

Лори Элизабет
ФЛИНН

Десять лет назад их жестокие
игры привели к трагедии.
Теперь пришло время расплаты.

ДЕВУШКИ ЗДЕСЬ ВСЕ
ТАКИЕ МИЛЫЕ

18+

Лори Элизабет Флинн

Девушки здесь все такие милые

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69875515

Девушки здесь все такие милые / Лори Элизабет Флинн; пер. с англ. Д.

Андреевой: Синдбад; Москва; 2023

ISBN 9785001315353

Аннотация

Две бывшие лучшие университетские подруги приезжают на встречу выпускников и вскоре понимают, что кто-то собирается заставить их расплатиться за то, что они совершили десять лет назад, в годы студенчества. И в стремлении отомстить этот кто-то не остановится ни перед чем.

Содержание

Тогда	7
1. Сейчас	8
2. Тогда	16
3. Сейчас	33
4. Тогда	45
5. Сейчас	59
6. Тогда	68
7. Сейчас	81
8. Тогда	91
9. Сейчас	103
10. Тогда	113
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Лори Элизабет Флинн

Девушки здесь все такие милые

Посвящается девушкам, которые добились чего хотели, но ценой, которая оказалась слишком высокой

Laurie Elizabeth Flynn

THE GIRLS ARE ALL SO NICE HERE

Copyright © 2021 by Laurie Elizabeth Flynn Inc.

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2023

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

Корпус Права

Перевод с английского Дарьи Андреевой

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2023

Информация об авторе

Лори Элизабет Флинн родилась в том Лондоне, что в канадской провинции Онтарио, где и сейчас живет с мужем, тремя детьми и преклонного возраста чихуахуа. Бывшая модель является автором нескольких популярных книг для подростков. Ее «взрослый» дебют – триллер «Девушки все здесь такие милые» (2021) – был издан в пятнадцати странах.

Отзывы СМИ

Встреча выпускников. Токсичная компания подружек. Дождавшаяся своего часа месть... Оторваться невозможно.
Entertainment Weekly

Шокирующая, захватывающая история о соперничестве, непомерных амбициях, предательстве, интригах... о том, как далеко могут зайти «милые девушки» в стремлении получить то, что, по их мнению, должно принадлежать им. И о том, каких друзей мы выбираем, а от каких отказываемся.

Toronto Star

Этот невероятно напряженный, изобилующий неожиданными поворотами и сюрпризами триллер напоминает о том, что у прошлого очень длинные руки, а все глубоко погребенные секреты рано или поздно выходят наружу.

Меган Миранда, автор бестселлера «Опасная ложь»

Тогда

Мы правили на двоих. Кругом простиралось наше королевство: от лужаек кампуса до дебрей вечеринок. Мы метили его как свою территорию: попирали землю тонкими как спички ножками на высоченных шпильках и разверзали в хохоте напомаженные ведьмовские рты. Вокруг сновали мальчишки, чьих имен я даже не помнила, те самые мальчишки, проходя мимо которых, я и не подозревала, что они уже успели побывать внутри меня. Когда я наконец выбрала себе короля, корона оказалась для него непосильной тяжестью.

А затем по нашему миру треснул кулак, выбив свет. Мы стояли перед общагой в толпе девчонок – стояли как зеваки, хотя вся эта бойня брала начало внутри нас. Наша способность к созиданию захлебнулась в нашей страсти к разрушению.

Ее голос у меня в ушах – голос, в котором никогда не было особого страха: «Мы должны рассказывать одно и то же».

Мне хотелось убежать, но она продолжала двигать пешки по доске.

Наше царствование было коротким и кровавым.

Но то, что за ним последовало, оказалось еще хуже.

1. Сейчас

Кому: «Амброзия Веллингтон» a.wellington@wesleyan.edu

От кого: «Совет выпускников Уэслиана»

reunion.classof2007@gmail.com

Тема: Встреча выпускников 2007 года

Дорогая Амброзия Веллингтон!

Отметьте эту дату в календаре!

Встреча выпускников 2007 года, посвященная десятой годовщине окончания Уэслианского университета, состоится 25–28 мая 2017 года. Приглашаем Вас повидаться с однокурсниками и принять участие в юбилейных торжествах, в

числе которых – официальные приемы и общеуниверситетский бал.

Онлайн-регистрация открыта до 1 мая.

Если Вы собираетесь приехать, список ближайших отелей можно посмотреть на странице Где остановиться в Мидлтауне. Также доступно размещение в общежитиях на территории кампуса (число комнат ограничено). Большинство комнат рассчитано на двух человек – отличная возможность пожить с бывшими соседями и вспомнить прошлое!

Искренне Ваш, Совет выпускников

Я удаляю это письмо тут же, как распродажные рассылки «Сефоры» и «Майкла Корса» и напоминания *Fertility Friend* о том, что скоро у меня овуляция. А затем очищаю корзину, потому что жизнь меня научила: ничто не исчезает бесследно.

Две недели спустя приходит следующее письмо. «Мы не получили от Вас ответа. Очень надеемся Вас все-таки увидеть!» Как будто пальцем погрозили. Это послание я тоже удаляю, но успеваю прокрутить его вниз и увидеть ее имя – жирным шрифтом, прямо под списком членов Совета выпускников. Флора Баннинг.

Я забываю об этих двух письмах: вот уж действительно, с глаз долой – из сердца вон. Это нетрудно, когда все дни похожи друг на друга: я сажусь в метро и по линии *N* еду из Астории в Мидлтаун, забегаю за продуктами в *Key Food*

и выхожу обвешанная многоразовыми тканевыми сумками, врезающимися в предплечья. В счастливые часы толкаюсь с хипстерами в «Дитти», выпиваю второй бокал вина, несмотря на поддразнивания Адриана: «А вдруг тебе нельзя?» Но однажды в пятницу я приплетаюсь домой с работы, горбясь под тяжестью минувшей недели, а на барной стойке лежит конверт, адресованный мне.

– Привет, детка! – кричит Адриан, возлежащий на диване с планшетом. Наверняка в поте лица трудится над своей командой в *Fantasy Football*, а не над романом, о котором он так любит поговорить, но все никак его не закончит. – Как прошел день?

– Дверь опять нараспашку. Сколько раз просить: пожалуйста, запирай дверь на замок!

У меня миллион поводов ворчать на Адриана, и это лишь один из них. *Запирай дверь. Закрывай пакет с хлопьями. Не разбрасывай грязное белье.* Иногда мне кажется, что я ему скорее мать, чем жена.

– Да ладно тебе! В нашем доме чужие не ходят. Слушай, тут тебе какое-то письмо пришло. Приглашение на свадьбу или что-то в этом роде. Только они не в курсе, что ты вышла замуж и сменила фамилию.

Моя новая фамилия – предмет его мужской гордости, хотя он изо всех сил делал вид, что это не имеет для него никакого значения. «Мне-то что, но ты правда хочешь, чтобы у детей была двойная фамилия? А твоя такая длиннющая!» – сказал

он, когда мы обсуждали свадьбу. Это была первая пробоина в моей послепомолвочной эйфории. *Дети* – сияющая непреложность на его горизонте, которую я неминуемо и радостно должна была с ним разделить.

Конверт на стойке адресован Амброзии Веллингтон – имя выведено изящным почерком. Не Амброзии Тернер – женщине, которой я стала три года назад, после того, как в Маунтин-Лейксе прошла под сенью деревьев навстречу Адриану, у которого в глазах стояли слезы. Пусть думает, что *Тернер* – это ради нас, ради *детей*. Незачем ему знать, почему я всей душой желала избавиться от *Веллингтон*.

Адриан поворачивается и выжидающе смотрит на меня: мол, давай открывай. Он любит свадьбы – точнее, любит тусовки, где можно напиться и фоткаться с полужнакомыми людьми, которые мигом становятся лучшими друзьями, и звать их на обеды и барбекю, которых – это все понимают – никогда не будет.

– Так от кого письмо-то? – спрашивает он. – Дай угадаю. От Бетани с работы. Она по-прежнему встречается с этим высоченным парнем? Марк его звали. Он еще в лакросс играл.

Адриан и его друзья, на пять-шесть лет моложе меня, до сих пор всюю постант помолвочные фото в Фейсбуке и Инстаграме: девицы с длинными волосами – на ногах эспадрильи «Шанель», на ногтях гель-лак, призванный оттенить грушевидный булыжник на безымянном пальце, – позируют

с парнями в клетчатых рубашках. Девицы-пиарщицы, мои подчиненные в «Брайтон-Дейм», все точно такие же.

Банальные, клеймили мы их когда-то. Тогда само собой разумелось, что мы-то такими не будем.

– Бетани двадцать два года, – бормочу я, доставая из конверта кусочек картона. Ответ Адриана я пропускаю мимо ушей – так я сосредоточена на том, что лежит внутри. Это не приглашение на свадьбу. Никто не просит меня пожаловать в Грамерси-Парк, не предписывает дресс-код *black tie* и не указывает настоятельно, что *прием только для взрослых*.

Все тот же изящный почерк – красно-черные чернила на кусочке кремового картона. Цвета Уэслиана. Буквы слегка клонятся вправо, словно писавший – кто бы это ни был – выводил их второпях.

«Обязательно приезжай. Нам надо поговорить о том, что мы сделали той ночью».

Подписи нет, но она и не нужна. Только один человек мог прислать мне такое. Лицо у меня начинает гореть, и шея наверняка покрылась красно-белой мраморной сеткой – так всегда бывает, когда меня захлестывает тревога. Я вцепляюсь в столешницу. Она знает, что письма я удалила. Ничего удивительного: она всегда каким-то образом обо всем узнавала.

В вихрь моих мыслей врывается голос Адриана:

– Я сейчас помру от любопытства! Вот бы там наливали сколько хочешь!

– Это не свадьба, – я засовываю карточку обратно в конверт, а конверт пихаю в сумку. Потом я переложу его в то место, где прячу все, что не предназначено для глаз Адриана.

Он откладывает планшет и встает. Самое время побыть заботливым мужем.

– Ты в порядке? У тебя вид, как будто тебя сейчас вырвет. Я могла бы отправить карточку в шредер, но знаю, что будет дальше. На ее место придет следующая. Она и тогда умела настоять на своем. А теперь, наверное, и подавно.

– Ерунда. Пошли-ка на крышу, пропустим по бокальчику. Патио на крыше с огрызками манхэттенских видов – особенность нашего дома, которой мы рассчитывали всю пользоваться, но по факту делаем это редко.

Он кивает, на время уняв любопытство, и, перегнувшись через стойку, целует меня в щеку.

Я с облегчением улыбаюсь мужу, любясь копной его вьющихся волос, ямочками на щеках и красивыми зелеными глазами. «Жуть какой сексуальный», – сказала моя лучшая подруга Билли, когда я показала ей фотографию. Он выглядел ровно так же, как в своем профиле на сайте знакомств, и, возможно, именно поэтому я поехала к нему домой после первого же свидания – и на заднем сиденье такси, несшегося по Бродвею, от нас остались только влажные рты и руки. Впоследствии я узнала, что, хотя его аватарка не вралась – не в пример десятку его предшественников, которые все как один весили фунтов на двадцать больше, чем заявляли, – в био-

графии не все было чисто. Да, он в свое время поступил в Государственный университет Флориды, но так его и не закончил – вылетел на третьем курсе и начал работу над тем самым романом, первую главу которого все никак не допишет. Он нигде не упоминал, что трудится барменом – единственная постоянная работа, которая у него когда-либо была.

Но я закрыла на все это глаза, потому что он прекрасно ко мне относился, потому что людей к нему тянуло, потому что *меня* к нему тянуло – к его неиссякающему добродушию и самоуверенности. Он не знал ту меня, какой я была в колледже, но так запросто полюбил меня новую, что я решила: не могла я быть такой ужасной, как все считали. Никогда я не думала, что свяжусь с парнем на пять лет младше, – но в старшинстве есть свои преимущества. Разница в возрасте у нас достаточно маленькая, чтобы мы гармонично смотрелись вместе, но и достаточно большая, чтобы инстинкты у него были мягче, пластичнее. Когда я подкинула ему идею сделать мне предложение (как-никак я собиралась разменять четвертый десяток), он намек понял и купил кольцо. Не совсем такое, как я хотела, но около того.

По пути на крышу Адриан пытается завязать разговор, но голос в моей голове заглушает его слова. Ее голос. «Нам надо поговорить о том, что мы сделали той ночью».

Ночей было две, делали мы разное, и я не уверена, какую именно она имеет в виду. Ту, в которую все началось, или ту, в которую закончилось. Ни о той, ни о другой она никогда

не изъявляла желания поговорить. Но, опять-таки, она как никто умела нарушать правила, которые сама же устанавливала.

2. Тогда

На первом курсе мне предстояло жить в общежитии Баттерфилд, в комнате на двоих на втором этаже. Баттерфилд-С изгибался вопросительным знаком, обнимая дворик, где – рисовалось в моем воображении – я буду сидеть с книжкой и ветерок будет трепать мои волосы. С будущей соседкой по комнате мы успели немного попереписываться по электронной почте, но ни разу не встречались вживую. Когда я впервые ее увидела, родители помогли ей выламывать мини-холодильник из его картонного узилища, а рядом суетилась девчонка помладше – видимо, сестра. Со своими родителями я только что распрощалась – мама, наверное, проры-

дает всю дорогу до Пеннингтона, и папе придется ее утешать: мол, дочка ведь будет приезжать! Моя старшая сестра Тони уехала в колледж при Ратгерском университете два года назад, но по-прежнему не оторвалась от отчего дома: на выходных частенько навещала родителей и притаскивала с собой целый мешок грязного белья.

– Пришло твое время, дорогая, – сказала мама, целуя меня в щеку, прежде чем захлопнуть дверцу машины. – Наслаждайся им. Но постарайся не попадать в неприятности.

Как будто на неприятности можно навесить табличку «Не беспокоить». И как будто эта табличка меня бы остановила.

Вот бы со мной была моя лучшая подруга Билли! Но Билли в Уэслиан не прошла. И теперь четыре года проведет в Университете Майами в Огайо, который больше славится тусовками, нежели чем-либо еще. Нам обеим было комфортно в нашей дружбе – эти узы выковались в начале девятого класса из нашей несурзанности и общего желания что-то с ней сделать. Билли знала, кто я такая и кем хочу быть, и любила обе ипостаси. Приехав в кампус, я уже успела бросить ей эсэмэску: «Надеюсь, я здесь приду к двору». Ее жизнерадостное «Само собой!!!» меня ободрило.

Волосы у моей новой соседки были белокурые, платье – в мелкую клеточку: меня такие заставляли надевать в детстве на парад в День памяти. Она не походила на моих одноклассниц – мы все, как на подбор, разгуливали в мини-юбках и уггах, с перемазанными автозагаром ногами. Но она

была исключительно хороша собой – вся такая свежевылощенная и благорастворенная. Билли наверняка дала бы ей прозвище. Таким жалким образом мы оборонялись от вредных девчонок в школе Хоупвелл-Вэлли. Мы изучали их, а потом в сплетнических забегах счищали с них кожуру, как с перезрелых фруктов, – лишь бы не так жгла обида, что они не зовут нас на свои тусовки. «Мне в соседки досталась Хайди», – напишу я Билли.

Настоящее ее имя было не менее жутким.

– Наверное, ты помнишь по письмам: я – Флора. – Она сжала меня в объятиях. – Рада наконец познакомиться вживую! Ты точно такая, как я себе представляла! Это мои родители, а это моя сестра Поппи.

Поппи застенчиво помахала рукой – челка да огромные синие глазищи.

– Амброзия, – представилась я – скорее им, чем ей. – Зови меня просто Амб.

Флора была вовсе не такая, как я себе представляла, а гораздо милевиднее. Из нашей переписки я знала, что в своей частной школе в Коннектикуте она входила в совет учащихся. Она не курила, не пила и мечтала стать детским психологом. Она была так чистосердечно мила. Мои родители были бы счастливы, если бы я обзавелась такой подругой. А Билли припечатала бы ее – *показушница*.

– Амб, – проговорила мама Флоры, вперив в меня ледяной взгляд, – ты откуда?

– Из Пеннингтона, – ответила я. – Это в Нью-Джерси.

– Мило, – сказала она, но по ее сложенным гузочкой губам я поняла, что милого в этом нет ничего, что я уже как-то проштрафилась. – Ты уж пригляди за Флорой. Она у нас такая доверчивая!

– Мама! – воскликнула Флора, щеки у нее порозовели, как цветочные лепестки. – Перестань!

Кажется, ее мама хотела еще что-то сказать, но лишь поджала губы, так что они превратились в тонкую полоску. Я так и эдак крутила ее слова. Все не могла взять в толк: то ли меня облекли доверием, то ли предостерегли, чтоб не смела дочку обижать.

– Ох, какой нам увлекательный год предстоит! – сказала Флора, когда ее семейство отбыло, – на прощание она крепко прижала к себе сестру и шепнула ей на ушко что-то, чего я не расслышала. – Лучшая подруга моей мамы – ее соседка по комнате, в которой они жили на первом курсе.

В душе у меня вспыхнуло волнение. Да, год просто *обязан* быть увлекательным. Мне пришлось немало потрудиться, чтобы попасть сюда и сделать мечту былью. Чтобы изваять в 3D свое техникOLORное будущее, где я стану главной звездой.

– У тебя очаровательный акцент, – сказала Флора, припиливая фотографии к пробковой доске.

– Спасибо, – выдавила я. Вот уж комплимент так комплимент! Она не хотела меня обидеть – *хотя кто знает*, – но

заставила обратить внимание на то, чему я раньше не придавала значения. То, что я говорю, не менее важно, чем то, как я говорю. Мне не стать актрисой – а в Уэслиан я поступила на театральное отделение, – если не вытравлю из себя Джерси.

Пока мы разбирали вещи, дверь стояла нараспашку и на пороге то и дело появлялись люди с нашего этажа, чтобы познакомиться. Я улыбалась, обнималась, усиленно кивала на приглашения на *будущие* тусовки. Но поджилки у меня тряслись. Некоторые девушки, похоже, уже хорошо знали друг друга, непринужденно смеялись и обменивались только им понятными шуточками, вынесенными из частных школ Верхнего Ист-Сайда. Две модельной стройности блондинки приехали аж из Лос-Анджелеса: они все тыкали пальцами в телефоны и угорали над какой-то гулянкой после выпускного, на которой их одноклассница в сортире потрахалась с двумя парнями сразу.

Не с такими девчонками я ходила в школу – у наших стаканы из «Старбакса» словно приросли в руках, они пересыпали речь всякими *типа* и *на фиг* и мерились рассказами о том, кто с кем перепихнулся на говенненькой вечериночке в подвале родительского дома, где парни в трениках геймили, сжимая в руках игровые контроллеры. В подражание им я носила джинсы с заниженной талией, так же зачесывала волосы, год подрабатывала в *Stop & Shop* и откладывала зарплату, чтобы купить сумочку «Луи Виттон» – ту самую в

разноцветных монограммах, которая частенько мелькает на костлявых ручонках всяких знаменитых красоток.

В Уэслиане я рассчитывала с легкостью вжиться в тот образ, который, казалось, мне подходил. Но в первый же день поняла, что никакое «с легкостью» мне не суждено. Будничная прекрасность здешних девушек – свежая, яркая, но не бьющая в глаза – казалась недостижимой.

В коридоре мелькали не только девушки. Имелись на нашем этаже и молодые люди, что меня очень радовало, – вихрь стреляющих глаз и белоснежных улыбок. На меня они, впрочем, вряд ли позарятся, ведь тут есть варианты получше: целый шведский стол красоток, длинноногих, одетых просто, но дорого, – пальчики оближешь. А у парней аппетит о-го-го. Я мимолетно вспомнила Мэтта, с которым встречалась в старших классах, но тут же отогнала его образ. Не хотелось портить мой первый день здесь воспоминаниями о том, что он совершил.

– Пойдем пообедаем с нами, – сказала Флора. – Я уже договорилась с другими девчонками. Надеюсь, тут найдется еда для меня – я тебе говорила, что я веган? Когда мне было двенадцать, я посмотрела документальный фильм о том, что происходит с животными на бойнях, и с тех пор отказалась от мяса и молочных продуктов. На самом деле это не очень трудно, если человек готов работать над собой.

Самолюбования в ее словах не было – такой обыденный рассказ. Из нашей переписки я знала, что она веган. Но какое

мне дело до Флориной диеты? Куда больше меня занимало само известие об этом обеде, осознание того, что однокурсницы о чем-то договорились, а меня не позвали. Я здесь еще и дня не провела, а уже такое фиаско.

На обед мы собрались в Саммерфилдсе – столовой, которая венчала Баттерфилд-С, как громоздкая шляпа. Куча народу, сдвинутые столы. В приступе саможаления мне хотелось позвонить маме и сказать, что я совершила ошибку. Но вместо этого, я написала Билли: «На помощь! Люди здесь совершенно другие».

Она, как всегда, откликнулась мигом: «Так вроде бы так и задумывалось?»

Рядом со мной сидела девица, от которой разило приторными духами, и уплетала жирнющий жареный сэндвич с сыром. На голове у нее была какая-то кошмарная попытка закосить под Викторию Бэкхем.

– Я Элла Уолден, – сообщила она. – Мы с тобой соседи через стенку. Ну как, круто здесь, правда?

Почему-то от одного взгляда на Эллу мне резко полегчало. Кожа у нее была серая, щеки круглые, шмотки немодные – живое доказательство того, что не все в Уэслиане клевые от рождения. Я смотрела, как она жует свой сэндвич, одновременно завидуя и осуждая ее за то, что она ест такую калорийную гадость на людях, хотя ей очевидно не мешало бы сбросить несколько фунтов. Сама я ненавидела есть на глазах у других.

Громкое «блядь» заставило меня подпрыгнуть – его изрыгнула сидевшая во главе стола девица с широко распахнутыми глазами в окантовке черной подводки, с белокурым хвостом и в рубаше на два размера больше, из которой выглядывал кружевной лифчик. Ее брови, густые и темные, оживленно взлетали и опускались, когда она говорила, и разительно отличались от маниакально выщипываемых тонких арочек, которые отличали моих одноклассниц. Забив на Эллу, я устала на эти брови, осенявшие ее лицо – лицо, которое мгновенно привлекало внимание всех окружающих.

– А потом Лапа такой: пожалуйста, не уходи, я для тебя что угодно сделаю, – рассказывала она. Голос у нее был горланый, глубокий. – А я говорю: в том-то и проблема, – и ушла!

Все захохотали. Я подивилась: неужели все знают, кто такой Лапа?

– Ну ты красотка, – сказала она стильной азиаточке, сидевшей рядом с ней. Клара – смутно вспомнилось мне. Память уже не удерживала ворох новых имен. – Тебе здешние парни ни к чему. – Ее пальцы пробежались по Клариной руке. Мне тоже захотелось удостоиться ее внимания.

Так и произошло – как будто она прочла мои мысли.

– А ты кто? Откуда приехала? – поинтересовалась она, вперила в меня пристальный взор зеленых глаз.

– Амброзия. Из Пеннингтона. Это в Нью-Джерси.

Она открыла было рот, чтобы что-то сказать, но Элла ее

опередила:

– Пеннингтон! Фига себе, а я из Морристауна. Да мы с тобой почти соседки! Надо будет потом посмотреть школьные альбомы. Наверняка у нас есть общие знакомые!

Я крепко закусила губу. Зачем я вообще произнесла слово «Пеннингтон» и откуда эта Элла взялась на мою голову! Девушка во главе стола на меня больше не смотрела. Она переключилась на парня, сидевшего рядом с ней, закинула руку ему на плечо.

– Это моя соседка по комнате. Ни на чем не в состоянии сосредоточиться, – сказала девушка с другой стороны – веснушчатая брюнетка по имени Лорен, жившая в соседней с нами комнате. – Мы вместе учились в Спенсе. Она чокнутая.

Мне стало любопытно, что она подразумевает под «чокнутой».

– А как ее зовут? – полюбопытствовала я, но мой вопрос остался без ответа. Лорен уже заговорила с кем-то другим, выясняя, где в кампусе можно раздобыть годную травку. Побеседовать со мной рвалась одна только Элла. Не переставая жевать, она принялась рассказывать о своем выпускном и о коте по кличке Фредди. Я делала вид, что мне интересно. С ней проще всего было попасть на одну волну, окунувшись в наше похожее прошлое. Но я не собиралась возвращаться туда, откуда приехала.

Чокнутая соседка Лорен встала и ушла, а за ней – Клара и двое парней. Я постаралась не выказать разочарования. Вот

бы попасть в их компанию! Я пялилась на банку диетической колы, стоявшую передо мной, пока Джемма из школы Святой Анны плакалась Флоре, что ужасно скучает по своему молодому человеку, который поступил в Йель.

– Я понимаю, тебе тяжело, – говорила Флора. – Но он тоже по тебе скучает! Ты только посмотри на себя. Ну как по тебе не соскучиться?

Дело было даже не в том, что она говорит, а в том, как. Это было *мило* от всей души. По спине у меня побежали мурашки. Флора, в своих отложных воротничках и детских туфельках «мэри-джейн», чувствовала себя здесь в своей тарелке – в отличие от меня. Она умела быть самой собой – да, кажется, все это умели. А я только и знала, что подражать другим.

Лорен разглядывала Флору с интересом. Я не сомневалась: потом они с соседкой перемоют ей все косточки. Но когда народ стал расходиться, Флора обняла ее. Лорен застыла, а Флора сказала ей что-то, чего я не расслышала, – и скука на лице Лорен сменилась улыбкой.

Когда мы вернулись в свою комнату, я принялась развешивать платья. Платья были дешманские и вообще полный отстой – теперь я это видела отчетливо. Флора тем временем достала фотографии школьных друзей и своего молодого человека – даже на зернистых черно-белых снимках было видно, что щеки у него усыпаны прыщами.

– Это Кевин, – сказала она, поднеся фото к самому лицу, словно собиралась его поцеловать. – Он учится в Дартмуте.

На втором курсе.

– Симпатяга, – отозвалась я, хотя фотография была ужасная и симпатягой он мне совсем не показался.

– Он лучше всех на свете. Я вас обязательно познакомлю. Он обещал вырваться ко мне почаще. Это ведь не так уж и далеко. Меньше трех часов езды.

Наверняка он ей изменяет, подумала я, – просто она об этом еще не знает. Все мы дуры, когда влюблены. Моя мама была твердо уверена, что в колледже я непременно встречу «свою судьбу», подобно Тони, которая нашла себе бойфренда в Ратгерсе – Скотта, с его безупречными манерами, *такого славного мальчика*. Но мне мамини грезы о сказочном университетском романе представлялись несбыточными.

– А у тебя как в этом плане? – поинтересовалась Флора. – Тоже ведь кто-то есть?

Я покосилась на фотографии, которые сочла достойными висеть на моей доске. На одной из них как раз запечатлены мы с Мэттом: он беспечно ухмыляется, шмякнув руку мне на плечи. Меня покорило, что наличие у меня парня для Флоры само собой разумеется. Я даже почти готова была поведать ей всю эту некрасивую историю – но передумала.

– Нет, – буркнула я. – Был кое-кто, но... все сложно.

– Сложно, – эхом отозвалась она, словно не поняла это слово.

Именно с Мэттом я летом перед выпускным классом потеряла невинность. Билли к тому времени уже лишилась дев-

ственности, и мне тоже не терпелось от нее избавиться – от этой дурацкой плевы, которая разделяет девушек на две касты в зависимости от того, побывал в них уже пенис или нет. Впрочем, когда я принимала решение заняться с ним сексом, дело было не только в этом. В то время я искренне верила, что Мэтт будет у меня первым и последним. «Мы всегда будем вместе», – сказал он на школьной дискотеке; я танцевала, уткнувшись ему в шею, а его руки крепко обвивали мою талию.

– Ну ка-ак же тебе повезло, – ныла Билли. – Он такой клевый, просто нереальный!

Но он был реален – и достался мне. В одиннадцатом классе он ходил в наш театральный кружок, а потом признался мне, что записался в него только в надежде подкатить ко мне. «Я смотрел все ваши постановки. У тебя настоящий талант!» Я растаяла и поверила ему. Позвав меня на первое свидание, он заехал за мной домой: размахивал букетом, жал руку моему отцу. Его пальцы, блуждавшие у меня под одеждой, нежно касались моей кожи, в голосе звучала вопросительная интонация. Мальчишки, которых до него заносило на нашу с Билли орбиту, даже не замечали нас, пока не напьются и чего-нибудь от нас не захотят. Его деликатное поведение было мне в новинку, до него я понятия не имела, каково это – когда тебя хоть чуточку имеют в виду.

Я знала, что другие девчонки сохнут по Мэтту, но он на них даже не смотрел. Он видел только меня. После его бас-

кетбольных матчей, которые мы с Билли, одевшись в цвета нашей школы, прилежно посещали, именно меня он сжимал в потных объятиях, меня у всех на глазах целовал на вечеринках. «Навсегда, – любил он повторять, когда мы валялись у него в кровати после школы и под потолком лениво жужжал вентилятор. – Ты моя навсегда».

У меня не было оснований ему не верить.

– Я с ним порвала, – сказала я Флоре, смакуя тот прилив силы, который дала мне эта ложь.

– Ну и ладно, встретишь более достойного человека. – Она взяла меня за руки. – Давай я накрашу тебе ногти, как себе? Тогда на сегодняшней вечеринке всем сразу будет видно, что мы с тобой подружки.

У нее ногти были черно-алые – уже в духе уэслианской символики.

Я стеснялась своих ногтей. Они вечно были разной длины, красила я их редко, а когда все-таки делала маникюр, очень быстро сдирала лак. Но Флора уже достала розовую пилочку, и я позволила ей тискать мои пальцы, а сама лишь смотрела, как она работает. Покончив с маникюром, она помогла мне подобрать наряд: синее платье с глубоким вырезом из *Forever 21* и туфли на танкетке, доставшиеся мне от Тони.

– Я точно нормально выгляжу? – осведомилась я. Мне казалось, что все это дешево и пошло, краска для волос желтит, тоналка слишком темная. А самое страшное – что все это ужасно заурядно.

– Ты прекрасна, – заверила Флора. – А платье просто умопомрачительное!

От ее слов у меня на душе капельку потеплело.

Вечеринка проходила в Баттерфилд-А, в комнате, где жили две девицы, надыбавшие где-то поддельные документы, – как я вскоре узнала, таковые здесь имелись у большинства. Большую часть ночи я подпирала стенку, попивая водку со спрайтом из бумажного стаканчика и глядя, как девчонки по очереди дрейфуют в уголок и ныряют к зеркальцу, на котором я мельком заметила аккуратные дорожки кокаина. Пробовать мне было страшно, да никто и не предлагал. В школе из наркотиков я пробовала только травку, и от нее мое параноидальное ощущение, будто все только меня и обсуждают, кальцифицировалось, превратившись в теснящий экзоскелет.

Джемма, обедавшая с нами днем, порхала по комнате в джинсах и белой футболке, которая оттеняла ее персиковый загар, – все очень просто, но сногшибательно. Я внезапно показалась смешной сама себе: втиснутая в платье, как сосиска, с тяжеловесным макияжем. Взгляд Джеммы на мгновение пересекся с моим, а потом остановился на моей пестренькой сумочке «Луи Виттон». Брови поползли вверх, она отвернулась от меня к Кларе и ее коричневому баулу безо всяких надписей. С сумочкой я, видно, оплошала. Здесь не принято щеголять брендами как показателями статуса. То, что в моей школе было повсеместно распространено, здесь

оказалось мимо кассы.

Флора весь вечер пила только воду из бутылки и ушла рано.

– В десять мне должен позвонить Кевин. Хочешь, я потом вернусь за тобой?

– Нет-нет, спасибо, – ответила я. Меньше всего мне хотелось быть той набухавшейся однокурсницей, за которой она будет героически подтирать блевотину.

Когда Флора уже ушла, появились Лорен с соседкой – эдакое элегантное опоздание, но элегантным прикидом оно дополнялось только у Лорен. Ее соседка, та самая *чокнутая*, была в боксерах и обтягивающем топе, без лифчика, словно только что проснулась. Высасывая очередной стаканчик, я смотрела, как она направилась напрямиком к кокаину, а затем принялась вытанцовывать посреди комнаты, сграбастав какого-то парня за рубашку. Когда он попытался поцеловать ее, она слегка отпрянула, а потом, запрокинув голову, отбросила назад волосы, открывая шею, и при этом все терлась бедрами у него между ног. Лицо у него делалось все более страдальческим, а у нее – все более зазывным, и ее визгливый, как у гиены, смех перебивал все остальные звуки в комнате.

Я прямо-таки видела: если поначалу он ее хотел, то теперь просто *жаждал*. Она действовала методично, высасывая из него силы, как вампириша. Это был целый спектакль. Вне всякого сомнения, она делала это и раньше – порабощала пар-

ней. В конце концов она таки дала ему поцеловать себя, но не раньше, чем уже выкачала из него все, что ей было нужно.

Оторвавшись от его алчущих губ, она вдруг посмотрела прямо на меня – и подмигнула. Я улыбнулась в ответ – и тут же возненавидела себя за это. Она заметила, что я на нее плююсь, и всем теперь расскажет, какая я извращенка.

Я уткнулась взглядом в пол – как раз вовремя, чтобы увидеть, как чья-то выпивка плеснула на мою сумочку.

– Извиняюсь, – буркнул парень, даже не взглянув на меня. Мне показалось, будто из меня выпустили воздух.

Стараясь не обкапаться, я рванула молнию сумочки и выудила телефон. После чего бросила сумочку на пол – та печальной кучкой осела у стены. Она мне больше не понадобится. Билли пришла бы в ужас – но Билли здесь нет, ей не понять.

Только поднявшись на ноги, я поняла, насколько набралась. Я подползла к Лорен и Джемме, надеясь, что меня допустят до их беседы, но они меня то ли не заметили, то ли не пожелали заметить. Я стала дрыгаться под невидимый бит, делая вид, что мне на них начхать.

– Она уже успела потрахаться с его другом, – говорила Лорен. – Для нее это своего рода игра.

У меня по рукам пробежал холодок. Я не знала правил, но тоже хотела в игру. Бросив взгляд по сторонам, я убедилась в том, что и так заподозрила. Соседка Лорен исчезла.

Тот, кто занимался расселением, все перепутал: именно

эта девушка должна была стать моей соседкой. Тот, кто определил меня в одну комнату с Флорой, и виноват в том, что Баттерфилд-С превратился в Гробовцагу.

3. Сейчас

Кому: «Амброзия Веллингтон» a.wellington@wesleyan.edu

От кого: «Совет выпускников Уэслиана»

reunion.classof2007@gmail.com

Тема: Встреча выпускников 2007 года

Дорогая Амброзия Веллингтон!

До встречи выпускников осталось меньше месяца! Возможно, Вы давно хотели разыскать кого-то из старых друзей – самое время это сделать. Если Вы еще не вступили в группу выпуска-2007 в Фейсбуке, скорее заходите и отправляйте заявку. Кого Вы там только не найдете – возможно, Вас ждут

сюрпризы!

Искренне Ваш, Совет выпускников

Я никому не говорю о встрече выпускников. Ни маме, когда она звонит спросить, приедем ли мы с Адрианом в Пеннингтон на день города, ни Тони, когда она шлет мне фотки Лайлы, моей двухлетней племянницы. Ни даже Билли, которой я пишу обо всем, – Билли, которая знает обо мне больше, чем кто-либо другой. Она будет подбивать меня ехать. Но что она понимает? Ее прошлое обошлось без жертв.

Хэдли и Хизер – единственные однокашницы из Уэслиана, с которыми я поддерживаю связь, – интересуются в нашем групповом чате, собираюсь ли я на встречу, но я отбояриваюсь: мол, у меня на эти выходные другие планы. «Эх ты! – пишет Хэдли. – Если Адриана не будет, Джастину там и поболтать будет не с кем». Домашний почтовый ящик я проверяю каждый день, чтобы перехватить любые послания, прежде чем на них наткнется Адриан. Муж не склонен задавать лишних вопросов, но, уж если возбудить его любопытство, он будет домогаться ответов с настырностью шестилетки. *Почему. Почему. Почему.* Но больше всего меня бесит даже не его приставучесть, а простота – качество, которое когда-то меня в Адриане и привлекло. Непоколебимая уверенность в том, что у любой проблемы есть решение.

Но больше писем не приходит, и я уже начинаю искренне надеяться, что пронесло. А потом прошлое находит ме-

ня в последнем месте, где я ожидала его встретить. В «Скайларке», где мы с Адрианом иногда встречаемся после работы, – в тех редких случаях, когда он, так уж и быть, выползает из уютного кокона Астории и тамошнего крафтового пива. «Скайларк» – мой любимый бар в Мидтауне, мое сверкающее гнездышко над Нью-Йорком. Мы потягиваем напитки – я мартини, *только один бокальчик*, любит приговаривать Адриан, *а то вдруг*, – и внезапно около нашего столика появляется Тара Роллинс. Тара из Уэслиана, которая работала помощником редактора в «Аргусе», а теперь подвизается в книжном издательстве.

– Амброзия! – взвизгивает она. В последний раз я видела ее на девичнике у Хизер – ох и наклюкались же мы тогда на пляже в Сэг-Харборе! Помню, как Тара, обливаясь слезами, взялась признаваться, что изменяла мужу с коллегой-редактором, – и вот она стоит передо мной, и Адриан уже вскакивает и так неистово трясет ей руку, что мне становится неловко.

– Вы только посмотрите на нее! Выглядишь великолепно! Ты же едешь, да? Что за встреча без тебя!

Как будто наши с ней отношения когда-либо заходили дальше тусовочного трепа!

– Это на какую такую встречу она едет? – спрашивает Адриан.

Тара смеется.

– Как на какую? На встречу выпускников! Вы же навер-

няка поедете вместе? Мой муж представить себе не может, чтобы я поехала без него...

Я делаю здоровенный глоток мартини и улыбаюсь как ни в чем не бывало, хотя водка обжигает мне горло. *Твой муж много чего представить себе не может.*

– Встреча выпускников? – В устах Адриана это не слова, а зияющая рана. Я плююсь на его загорелые предплечья, на щетину темных волос, поднимающуюся к рукавам клетчатой рубашки. – Первый раз слышу...

– Да все забываю тебе сказать, – говорю я, стремясь избавить его от унижения. – Впрочем, это не имеет значения. Мне туда совершенно неохота.

Тара все знает, но прикидывается дурочкой.

– Как это неохота? Там же будут *все-все-все!*

– У нас годовщина свадьбы, – поясняю я. – Будем отмечать. Три года.

Вот в таких случаях мне хочется, чтобы я могла похвастаться колечком пожирнее.

– Нет-нет, – говорит Адриан. – Мы не можем пропустить встречу выпускников! Годовщину мы и в другие выходные отпразднуем. Да что там – закажем пиццу и посидим в патио, вот и весь праздник. – Он улыбается Таре, эдакий мальчишка-обаяшка, – словно скромность нашего романтического вечера должна произвести на нее впечатление.

– Вот именно! – подхватывает Тара. Они начинают болтать, словно меня тут вовсе нет. Не проходит и минуты, как

Адриан поминает свой роман, и двух минут, как Тара поминает Баттерфилд-С. Меня захлестывает ярость. Мне хочется защитить Адриана – не только от правды, но и от того вердикта, который Тара неизбежно вынесет на его и наш счет.

– Ох и бурное же у меня было студенчество! – хохочет она. Я озираюсь в поисках официанта, который принес бы мне второй бокал мартини. – Но, конечно, до Амб мне далеко.

– Да с нее-то что возьмешь, – говорит он, касаясь моего запястья. – Эта пай-девочка головы от учебников не поднимала!

Я не смею даже взглянуть на Тару, потому что знаю, что прочту в ее глазах. *Головы не поднимала, ага.* Тара – это бомба замедленного действия, и от нее нужно избавиться, прежде чем она рванет.

– Так и быть, – говорю я, стискивая бокал так сильно, что мне кажется – он вот-вот разлетится на осколки. – Пожалуй, мы поедем.

И как только я произношу это вслух, до меня доходит. Конечно, я должна ехать. Не из-за Тары, не из-за кого-то там еще – из-за *нее*. Вдруг она знает что-то такое, что принесет нам избавление. Я то и дело представляю себе, как она сидит, старательно выводит красивые буквы, – как это на нее не похоже, она ведь вечно спешила. Но ради чего-то она меня призывает, и я должна узнать, ради чего.

Я сказала: «Мы поедем», но никаких «нас» не имела в ви-

ду. Я всю голову сломала, весь интернет перерыла, пытаюсь найти повод не брать с собой Адриана. Может, это даже принесет пользу нашему браку. Я встречу со своим прошлым лицом к лицу, сброшу отмершую кожу и вернусь с чувством признательности, которое когда-то испытывала к мужу.

Я нахожу семинар по писательскому мастерству, который должен состояться в Нью-Йоркском университете на тех же выходных, и принимаюсь воодушевленно рекламировать его мужу – мол, вот прекрасная возможность заняться его *самодельщиной* всерьез.

– Пусть это будет подарок от меня на годовщину свадьбы. Представь, сколько ты успеешь написать! – восторгаюсь я. И вот он уже готов записаться – но тут замечает дату.

– Не в этот раз, – говорит он. – Чай, это у них не последний семинар. Слушай, а ведь мне, наверно, надо костюм купить, для встречи выпускников-то?

Приходит сообщение от Хэдли. «Вы где собираетесь останавливаться – в общежитии?»

Я пытаюсь себе это представить. Мы стоим на Фосс-Хилле, Адриан держит меня за руку. Может, не так все и плохо. Раз в несколько месяцев мы встречаемся с Хэдли и Хизер и их мужьями, едим и выпиваем, и мужики так глубоко погружаются в свои разговоры о спорте и боевиках, что забывают о нас напрочь. Хэдли и Хизер знают, что я не рассказывала Адриану о Гробовщаче, – когда мы отмечали мою помолвку, я сказала им, что не хочу омрачать наше счастье всеми

этими кошмарными сплетнями, и они понимающе закивали, обняли меня и заявили: «Это не наше дело, мы ни слова не скажем». Может, я и переживу этот визит в Уэслиан. *Мы* переживем.

Я осторожненько отодвигаю эту мысль – пусть пока помаринуется. Адриан вновь заводит об этом разговор, когда мы ужинаем с Билли и ее мужем Райаном в Бруклине. Мы все реже и реже ездим к ним из Астории – все-таки целый час на дорогу, – а они у нас вообще не бывают, потому что *дети*. Когда мы садимся за стол, он берет меня за руку – мимолетный жест, обозначающий, что мы – одна команда, как и положено супругам.

– У Амб скоро встреча выпускников, я весь в предвкушении, – говорит он, пережевывая стейк. – Десять лет! Я прям жалею, что сам так и не доучился.

– Встреча выпускников? – переспрашивает Билли. Я делаю большой глоток вина – второй бокал, который Адриан не одобряет. И чувствую на себе укоризненный взгляд Билли: мол, могла бы и сама мне сказать. – Погоди. Это в Уэслиане? И вы поедете?

– Да, – быстро произношу я. – Мне казалось, я тебе говорила.

– Нет, не говорила, – отвечает Билли. – Наверно, забыла. Она знает, что ничего я не забыла. Мне вспоминается буйной блеск в ее глазах в поместье Гамильтон, когда мы напились на выпускном, ее холодная рука, вытирающая слезы с

моих щек. «Мэтт здесь. С ней. Не смотри туда. Черт с ними! Зато я всегда буду с тобой».

Я пытаюсь нащупать другую тему:

– Твой последний пост – такая милота! Девчонки чем дальше, тем больше на тебя становятся похожи.

Она перестает кукситься, но тема не закрыта. Вечером она примется мне писать, требуя: *давай колись*, словно я какая-нибудь наркоманка.

– Да уж! Пришлось подкупить Сойер тестом для печенья, чтобы сидела смирно. Как считаешь, тяну на мать года?

Чисто технически Билли не работает с тех пор, как Райана повысили до персонального менеджера в одном из банков Финансового квартала, а она родила Беккет. Но саму себя она именует «инфлюенсером». Ее онлайн-ипостась – блог под названием «Между нами, мамочками», который породил инстаграм-аккаунт с почти тридцатью тысячами подписчиков, – не что иное, как ее реальная сущность. Она образец для контингента #мамапогодок, всех этих мамаш, которые ходят в обтягивающих лосинах для йоги, со всех сторон обвешанные детьми. Они благоговеют перед Билли и тем пастельно-розовым совершенством, которое она воплощает.

Именно поэтому у меня нет инстаграма. Я не хочу культивировать жизнь #безфильтров, все это попури фальшивых улыбок. В Уэслиане я поняла, что люди завидуют не самым умным и самым красивым. Они завидуют тем, кто умен и красив – и не прилагает к этому никаких усилий. В отличие

от Билли, я эту безусильность разыгрываю в реальной жизни. И кнопочки «удалить» тут нет, назад ничего не открутишь.

– Помню, как мы отмечали пять лет после выпуска, – говорит Райан. Вот надо ему было вернуться к этой теме! – Мы собрались в общежитии и упились в зюзя. Я собирался перепихнуться с девчонкой, по которой сходил с ума в студенческие годы, но едва ее узнал под отвратной пластикой.

– Какая у меня была классная комната в общежитии! – отзывается Адриан. – Мне она казалась дворцом.

Дворцом траха и травки. Адриан не скрывал, что в колледже блядствовал направо и налево. Он даже рассказывал, что тревожным звоночком для него стало, когда из-за хламидиоза помчался к университетской медсестре, испугавшись, что конец отвалится от такой нещадной эксплуатации. Байками такого рода он веселил меня, пока мы встречались, хоть я и подозревала, что не все в них правда. Адриан – бармен. Ему приходится выслушивать много чужих историй. Неудивительно, что некоторые из них он пытается выдать за свои собственные.

– Когда я звонила, в общежитии все уже разобрали, – говорю я. – Я забронировала отель, – и не один из тех, что рекомендовались в письме, а подальше от университета, подальше от Мидлтауна – пускай даже поездки на «Убере» влетят нам в копеечку.

– Облом, – говорит Адриан, и Билли тут же бросается меня защищать:

– Ну не хочет она там жить! Как ты можешь ее в этом обвинять?

Повисает длинная, очень длинная пауза.

– Ты о чем? – наконец спрашивает Адриан.

– Соседка Амб... – начинает Билли.

Я перебиваю ее:

– Мои бывшие соседки тоже едут. Хэдли и Хизер. Будет круто. Кто-нибудь собирается заказывать десерт?

Билли поджимает губы. Она знает, что о другой своей соседке я Адриану не рассказывала, поэтому я не понимаю, зачем она, собственно, затеяла этот разговор. Она бы нахмурилась, если бы не недавние уколы ботокса.

Я уже боюсь думать, что еще Билли ляпнет, но тут ее отвлекает запищавший телефон.

– Черт. Это моя мама. Говорит, Беккет отказывается ложиться спать. – Она допивает вино. – Похоже, нам пора.

Райан машет рукой официанту и, сложив вместе большой и указательный пальцы, пишет что-то в воздухе.

Официант милосерден: он рассчитывает нас быстро. Билли сюсюкает по телефону с Беккетт:

– Мамочка с папочкой скоро приедут, ложись спать ради бабуси, солнышко!

Я залпом выпиваю остаток вина – и вдруг вижу ее. Конечно, не буквально ее. Это всегда кто-то другой. В глубине души я это знаю – но все равно время от времени замечаю ее в самых разных местах.

Иногда она принаряжается в летнее платье и колготки, на губах – легкий штрих помады. Я еду на работу, а она наблюдает за мной, прижав к грязным окнам вагона белые как снег руки, и выходит вместе со мной на «Брайант-парке». Она стоит в холле нашего офисного центра, держит кофе со льдом, смотрит, как я вызываю лифт на двадцать четвертый этаж, где жужжит улей «Брайтон-Дейм» и где я окончательно превращаюсь в банальную стерву-пиарщицу. Мы встречаемся глазами, и от ее пронзительного взгляда у меня трещит череп. На ее лице я читаю вопрос. *За что?*

Психотерапевтша, к которой меня записали родители летом после первого курса, произнесла слова, которые навсегда запали мне в память. «Ты пережила травму, – сказала она – ей щедро платили за то, чтобы она сотрясала воздух подобными словесами. – Ты считаешь, что должна была сделать больше. Возможно, тебе страшно отпустить произошедшее, потому что ты не знаешь, за что тогда держаться».

Честно сказать, меня впечатлило, что она умудрилась выудить так много из моих молчаний и кивков. Я не просто держалась за произошедшее. Я вцепилась в него мертвой хваткой.

«Я должна была сделать больше», – сказала я ей тогда. Это она и ожидала услышать. Но в действительности лучше было бы, если бы я сделала гораздо меньше.

– Амб, – говорит Билли, разглаживая кружевную юбку, морщась на бедрах. – Ты мне потом позвони. Нам надо

поговорить.

Когда мы обнимаемся на прощание, девушка выходит из женской уборной и смотрит на меня с молчаливым осуждением. Ей не нравится моя помада. Она считает, что красный – не мой цвет. И она права. Он навсегда ее.

4. Тогда

Моя первая неделя в Уэслиане напоминала головоломную охоту за сокровищами, причем клады были зарыты в самых разных точках кампуса. Здешние девушки стали новым языком, который мне предстояло изучить, кампус – проектом по географии. «Столичная» и спрайт то в одной, то в другой комнате Баттерфилдса, который я вскоре начала именовать Баттсом, потому что здесь все так делали. Библиотека Олин – сплошь колонны да свет, – где я пыталась сосредоточиться на первых заданиях, но тело гудело, будто провод под напряжением, так как я слишком остро воспринимала окружающих людей. Мокон, ласково окрещенный Пищеносцем

и громоздящийся на вершине Фосс-Хилла, словно бдительный часовой, – там мы обычно ели, выстраиваясь в очередь за вечно подвядшими салатиками, и руки у меня горели, когда я высматривала за столами Флору или хотя бы Эллу, потому что на нее не надо производить впечатление.

И моя база – наша комната. Половина Флоры была безупречно опрятна. Даже лаки для ногтей она выстраивала радугой. «Даже не спрашивай, – сказала она. – Бери что хочешь». Я воспользовалась предложением, хотя и не сразу.

Я развесила наши с Билли фотки и в каком-то сентиментальном порыве пришила к доске один свой снимок с Мэттом – единственный, который после разрыва избежал превращения в оригами. Вместе нам уже не быть – разве что еще раз по пьяни следующим летом, но тогда я об этом еще не знала, – однако я хотела сделать вид, что кому-то нужна, потому что быть желанной, – местная валюта.

Мне ненавистна была его физиономия на стене, но это было напоминание – не расточать доверие на кого ни попадя. Больше я так не подставлюсь. Не буду дурочкой, которая поверила бойфренду, когда тот сказал, что приболел и поэтому не сможет пойти с ней на вечеринку. Не буду дурочкой, которая вместо него пошла на эту вечеринку с Билли. Самый унижительный миг в моей жизни – когда я, спяну пошатываясь, сползла в подвал и увидела голову Мэтта у Джессики Френч промеж ног.

Хуже всего была даже не эта похабная картинка, навеки

выжженная в моей памяти. Хуже всего было то, что я встала столбом, не в силах выдать ни слова. «Это не Мэтт», – попыталась я себя убедить – но это был, конечно, он. И, вместо того чтобы обрушить на него гнев, которого он заслуживал, я на цыпочках выскользнула из комнаты, пока меня никто не заметил, и стала поедом есть себя за собственные недостатки, из-за которых он и променял меня на великолепную Джессику Френч. «Конечно, он мне изменил, – говорила я себе. – Во мне нет ничего особенного!» Каждый комплимент, которым он когда-либо меня одаривал, взрывался в моем мозгу. Все его слова оказались ложью.

Когда Билли нашла меня на крыльце, я превратилась в хлюпающий кисель. Она обняла меня крепко-крепко и принялась честить Мэтта на чем свет стоит.

– Да ну его к черту, Амб! Я серьезно! Порви с ним да цапни напоследок побольнее!

Мы поехали домой к Билли и сочинили эпичную речь, в которой я объявляю ему о расставании, напридумывали кучу обидных слов. Я вырубил телефон и продрыхла все выходные. Когда в понедельник я увидела Мэтта в школе, он как ни в чем не бывало положил руку мне на талию и поцеловал в щеку. Я не смогла собрать в кучку нужные слова и, как попугайчик, лишь повторила за ним «я тебя люблю», ненавидя себя все сильнее с каждым слогом.

– Тебе уже лучше? – наконец выдавила я, смаргивая слезы.

– Да, хоть в себя пришел, – отозвался он. – Я подумал, что ты тоже заболела, раз не звонишь.

Самое время было толкнуть заготовленную речь, но она застряла у меня в глотке.

– Нет, я не заболела, – пролепетала я, и тут зазвенел звонок.

Я пообещала себе, что позвоню ему вечером и все выскажу, а Билли в свое оправдание заявила, что по телефону это будет даже проще. Но не успела – его эсэмэска пришла первой. «Я думаю, нам надо перестать встречаться. Прости, но мне нужно сосредоточиться на учебе». Это был нож в сердце.

Я не осталась в долгу: «Ты жалкая пародия на мужика, раз не можешь даже порвать со мной, глядя мне в глаза. Я знаю, что ты сделал». Но было уже поздно. Мои слова лишились поражающей силы. С тех пор я решила использовать парней так же, как они стремились использовать меня. Если я не буду относиться к ним серьезно, им не удастся меня ранить.

В Уэслиане я шастала по всем вечеринкам, на которые меня приглашали, не желая сидеть как прикованная с Флорой, которая почти ни на какие тусовки не ходила, хотя к нам в комнату то и дело впархивали девушки, норовившие ее куда-нибудь позвать. Каждый вечер, перед тем как она ложилась спать, ее телефон заливался песней «*I don't want to miss a thing*» группы *Aerosmith* – рингтон Кевина, – и они болтали чуть ли не час – воркование, прерываемое всплесками нежного смеха.

Если во время этих звонков мне случалось быть в комнате, я надевала наушники и делала вид, что не слушаю, – но не слушать не могла. Разговоры у них были самые банальные: Флора рассказывала о каждой мелочи, которая произошла с ней за день. В Моконе сегодня была лазанья с кружевом подсушенной лапши – *вздох*, та еще еда для вегана. Сестра прислала веганский горячий шоколад. Кто-то из преподавов что-то сказал. Я что-то сказала. Мое имя упоминалось часто. «Вот погоди, познакомлю тебя с Амб. Она такая милая!»

Я пыталась проникнуться ее энтузиазмом, но получалось какое-то дурное лицедейство. Я считала, что быть милой – такая же наивность, как кому-либо доверять: ни к чему хорошему это не приводит. Флоре не мешало бы знать, какую власть над собой она дает в руки окружающим. Опасно быть мягкотелой в мире, где надежнее не снимать защитного панциря.

Я мягкотелость больше проявлять не собиралась. Еще не хватало – раз существуют на свете особы вроде Джессики Френч, которые в лицо улыбаются, а за спиной обманывают. Как бы сильно я ни ненавидела Мэтта, их я ненавидела еще больше. Все они одним миром мазаны, и все против меня.

Поэтому я предпочитала укреплять панцирь. Я копировала стиль девушек из нашего общежития – девушек более красивых и модных, чем я: Джеммы, ходившей в драных джинсах и фланелевых рубашках оверсайз, Клары, носившей мини-юбки и колготки, и даже лаборантки Дон, чьи кудря-

вые, без намека на завивку, золотисто-каштановые волосы струились по спине сияющим водопадом.

Каждый день перед занятиями я старательно разглаживала утюжком волосы и размалевывала лицо всевозможными средствами из арсенала Бобби Браун. Меня бесило, как сидит на мне одежда, – все нарочито в облипочку. Каждое зеркало преумножало мои изъяны.

Но я смогу от них избавиться. Я актриса и приехала в Уэслиан учиться. Я достаточно хороша собой, если правильно краситься, и достаточно стройна, если правильно питаться, – но *недостаточно*, чтобы рвануть в Голливуд, жить в машине и между кастингами сушить волосы под сушилками для рук в фаст-фудных забегаловках. Мне нужно по-настоящему освоить актерское ремесло.

Когда на почту пришло извещение о зачислении в Уэслиан, я сделала вид, что потрясена. На самом деле я ничуть не удивилась, но чувствовала, что должна изобразить удивление, хотя сама не понимала почему. Пройдет много лет, прежде чем я пойму, что девушкам не положено иметь честолюбия, – можно только брать его иногда напрокат, чтобы, не дай бог, никого не обидеть.

Я была уверена, что буду играть в колледже, пока не попала в Уэслиан и не встретила Дору из другого баттсовского корпуса, которая уже выступала на Бродвее, и Сиенну с нашего этажа, которая летом сняла пилотный выпуск телевизионного шоу. Тут я ясно поняла, с чем мне предстоит столк-

нуться. Я рассчитывала получить роль в одной из осенних постановок театрального отделения. Но страх неудачи, вдруг превратившийся в жгучую уверенность, заставил меня пропустить прослушивания. Я сказала себе, что обязательно попробую в следующем семестре. К тому времени я освоюсь со здешней конкуренцией, и мне уже ничего не будет страшно.

Я не знала, насколько окажусь права.

Флора хотела стать психологом и работать с проблемными детьми. Она тут же взяла под покровительство всех остальных девушек на нашем этаже: раздавала тампоны и советы по поводу отношений с парнями, расклеивала на дверях разноцветные бумажки с накорябанными речевками: «Все в твоих силах! Ты великолепна!»

Мне она оказывала особое внимание: с сиропной улыбкой заплетала мне косы, расспрашивала о школе – впрочем, возможно, это был лишь повод взамен рассказать о себе. Она много говорила о Кевине, с которым познакомилась в фэйр-филдском клубе, где их отцы играли в гольф.

– Отношения на расстоянии – это тяжело, – откровенничала она. – Но у нас хватит терпения. Мы справимся.

– А почему ты тоже не подала документы в Дартмут? – поинтересовалась я однажды, когда мы ужинали в Моконе. – Ну просто – ты ведь так по нему скучаешь...

Отношения на расстоянии обречены – вот что я хотела сказать на самом деле. Они могут выжить только в том случае, если оба партнера не ревнивы. Флора, сколько бы ни

твердила, что доверяет Кевину, ревновала будь здоров. А как еще объяснить эти вечерние звонки – а названивала она ему чаще, чем ходила по-большому, – да и сам рингтон? Она желала *не упускать ничего* в его жизни.

– А я не прошла, – отозвалась Флора. Впервые в жизни я услышала в ее голосе досаду. – Меня не взяли. Можно было поступить в университет Нью-Гэмпшир – тогда мы были бы поближе, – но Кевин сам сказал, что Уэслиан для меня предпочтительнее.

– Он исходит из твоих интересов.

– Угу. Он не уговаривал меня поступать в Нью-Гэмпшир. И я поняла: ей хотелось, чтобы уговаривал.

Годы спустя я представляла себе, как старшеклассница Флора в форме частной школы, которая как влитая сидит на ее идеальной фигуре, валяется на огромной кровати в фэйр-филдском поместье, веером разложив рекламные проспекты разных университетов. Перед ней весь мир – только руку протяни, в самом буквальном смысле. Она смотрит на брошюру Уэслиана и откладывает ее в сторону. Как бы сложилась ее жизнь, если бы она действительно это сделала?..

Формально я познакомилась с *чокнутой* соседкой Лорен – второй девушкой, жившей в соседней комнате, – на посвяте в начале семестра. Она ходила на два курса, которые посещала и я: актерское мастерство и введение в драматургию. Вероятно, она, как и я, питала актерские мечты, но с ней я

никогда и ни под каким видом не смогла бы соперничать – с выпускницей нью-йоркской школы Спенс, которая уже успела побарахтаться в модельном бизнесе и часть детства провела во Франции.

Звали ее Слоан Салливан, но она всем представлялась просто Салли. Ее родители, наверное, как посмотрели на ревуший розовый сверток, так сразу и поняли, что барышней она вырастет своеобразной. Меня вон нагрузили аж десятью слогами в общей сложности – Амброзия Франческа Веллингтон. Это имя даже сократить прилично невозможно, поэтому я стала Амб – жалкий обрубок, который большинство людей считают уменьшительным от Амбер. Я их почти и не поправляю.

У Салли была своя шайка-лейка. Она могла стать одной из баттерфилдских мажорок так же легко, как и хипстершей из УэстКо2: было в ней что-то не поддававшееся категоризации. Она кралась по коридорам Баттса в сетчатых колготках и доках, заявлялась на пары в трениках и мужской рубашке, курила косячки с демонстративной небрежностью и никогда не оставалась в одиночестве: и девчонки, и парни волочились за ней шлейфом.

Ей незачем было со мной заговаривать – ее харизма уже привлекла достаточно адептов. Но ей было скучно, а я искала внимания, и все это пересеклось на вечеринке в Николсон-холле, известном как Никс, через пару недель после начала семестра.

– Ну и угэшная туса! – сказала она, подгребая ко мне, Лорен и Флоре, которая в кои-то веки взяла отгул от вечернего созвона с Кевином и пошла с нами. – Мне всегда так быстро становится скучно! Пора оживить это болото.

– О боже, – Лорен покачала головой. – Только не это.

– А я не к тебе обращаюсь, – отбрила Салли. – Я обращаюсь к Амброзии из Пеннингтона. И к вам, девчонки, – она тормознула проходивших мимо Джемму и Клару. – Видите вон того парня? В кошмарных бежевых штанах? Это Дэйв – Любовь-Морковь. Самый пафосный говнюк в этой комнате – а это что-то да значит.

– Ты о Дэйве Холмане? – уточнила Клара. – Он со мной ходит на матстат.

– Все уши прожужжал о своей подружке из Калифорнийского университета, – продолжала Салли. – Бесит. Пора с этим разобраться.

Никто не заглотив наживку. Кроме меня – уж очень охота мне было выделиться. Кроме того, я тоже знала Дэйва-Любовь-Морковь. Он жил в Баттс-А и постоянно ныл о *своей Лесли*. От того, как он произносил ее имя, – таким бархатно-нежным голосом, – у меня кровь стыла в жилах.

– Да он мудака, – сказала я. – Что думаешь делать?

Салли уставилась на меня. Это напоминало обряд миропомазания. Остальные девушки хранили молчание, ожидая, какие приказания отдаст мне Салли. Но мне казалось, что их просто больше нет – а я есть.

Музыка зазвучала громче. Салли наклонилась ко мне и прожужжала в ухо:

– Заставь его изменить своей подружке. Сегодня же. Докажи, что он такое же животное, как они все.

Не знаю, почему она не захотела попросту сделать это сама. Лучше Салли тут никто бы не справился. Я остро осознала, что мой ответ каким-то образом предопределяет весь грядущий семестр, но не понимала, до какой степени.

И даже раздумывать особо не стала.

– Ладно, – сказала я.

Салли потрепала меня по щеке.

– *Шоу начинается*, – шепнула она еле слышно.

– Амб, – позвала Флора. – Я скоро домой. Ты идешь?

Конечно же, она пыталась помочь мне выпутаться. Спасибо, не надо.

– Нет, я остаюсь, – ответила я.

В ее взгляде мелькнуло осуждение, между бровей залегла складочка. Но почему-то ее недовольство меня лишь раззадорило.

Когда она убралась, я опрокинула шот текилы и пошла в атаку. Салли и остальные девчонки смотрели со стороны. Это был спектакль – словно я опять играла на школьной сцене, только на этот раз перед более взыскательной публикой. Я понимала, что обольщать Дэйва голый плотью – пустое дело. Это должно быть более изящным. Слезы, выступившие на моих глазах, были неотличимы от настоящих.

– С тобой все в порядке? – спросил он. В его шоколадных глазах отразилась озабоченность. – У тебя такой грустный вид...

– Да это все из-за моего парня! – воскликнула я и спрятала лицо в ладонях. – Представляешь, он заявил, что не может больше поддерживать отношения на расстоянии! Мол, не стоило и пытаться...

Дэйв ободряюще похлопал меня по спине. И предложил бумажный платочек. Вместо платочка я уткнулась в его лососево-розовую рубашку и ощутила, как он застыл от моей близости.

– Какое скотство, Амб! Ну знаешь, может, оно и к лучшему. Он же тебя ни в грош не ставит!

– Самое мерзкое, что он вечно капал мне на мозги: мол, это я все порчу. Стоило мне перекинуться парой слов с каким-нибудь парнем – тут же начинал выпрашивать, кто да откуда. Форменная па-ра-ной-я! – Я растянула это слово в какое-то гротескное чудище. Именно так – я знала из обрывков его разговоров, – вела себя Лесли. Лесли, которая в моем воображении уже превратилась в Джессику Френч с ее розовыми губами.

– Мне очень жаль, – сказал он. Извинение от имени всего мужского пола, не значащее ровным счетом ничего.

Я решила укрепиться на занятых позициях.

– Ты, наверное, и представить себе не можешь, каково это! Когда тебе не верят, хотя ты не делаешь ничего плохого!

– Ну почему, и у меня такое бывало, – выдал он, и этого было достаточно.

Понадобилось полчаса и целый водопад фальшивых слез, чтобы Дэйв предложил поговорить в каком-нибудь местечке потише. Мы переместились в его комнату, пропахшую дезодорантом *Ахе*. Он набросил мне на плечи одеяло, но я его стряхнула.

Не знаю, сколько я там просидела, прежде чем Дэйв разоткровенничался насчет недостатков Лесли. Не знаю, сколько было времени, когда наши головы коснулись его подушки. Задушевный разговор нас утомил – но не настолько, чтобы я не уткнулась ему в шею, и не настолько, чтобы не затвердел пенис в его джинсах. Дэйв застонал, когда я коснулась его через ткань, его губы в темноте нашли мои. Несмотря на то, что он меня ни капельки не привлекал, – плохая кожа, безвольный подбородок, – я испытывала странное возбуждение, когда вскарабкалась на него, вся в броне собственной силы.

Дэйв кончил в штаны – для меня это стало и разочарованием, и облегчением. Когда он захрапел, я выскользнула из его постели, долго петляла по извилистым коридорам, наконец добралась до Баттс-С, завернула в ванную и плеснула себе в лицо воды. А когда вышла, наткнулась на Салли: босая, в шортах и худи, она, похоже, только-только выбралась из очередной койки.

– Шоу начинается, – сказала я и подмигнула ей, как она мне на той первой вечеринке, – во всяком случае, я поче-

му-то была уверена, что тогда она подмигнула именно мне. Я улыбалась до ушей, когда входила в свою комнату, на двери которой пылал неоновозеленый листок – «Все в твоих силах!».

«Вот уж точно», – подумала я. Никогда я еще не чувствовала так остро, что живу.

5. Сейчас

Кому: «Амброзия Веллингтон» a.wellington@wesleyan.edu

От кого: «Совет выпускников Уэслиана»

reunion.classof2007@gmail.com

Тема: Встреча выпускников 2007 года

Дорогая Амброзия Веллингтон!

Встреча с прошлым уже не за горами! Не забудьте захватить фотоаппарат, альбомы, скрапбуки, фотографии и другие вещи, которые хранят старые воспоминания, – чтобы дать начало новым. И приготовьте свой самый лучший красно-черный наряд для торжественного ужина!

Искренне Ваш,
Совет выпускников

Ее имя было в каждом письме-напоминании – притулившееся под Советом выпускников, выделенное жирным шрифтом, хотя сама она никогда не стремилась выделяться. Флора Баннинг, неутомимая общественница, протестовавшая против невеганской еды в буфете и устраивавшая кино вечера. Мне никуда не деться от ее лица, когда мы с Адрианом приедем в кампус, от ее белоснежной улыбки и полного отсутствия морщин (как она увлажняла и умащала кожу – это отдельное искусство). Из всех, кого мне предстоит увидеть, ее я боюсь больше всего.

Впрочем, лишь потому, что еще одного человека – человека, который подозревает меня в самом худшем, – на встрече выпускников не будет.

Я забиваю в поисковую строку детектива Тома Фелти – теперь он уже капитан Фелти – с рабочего компьютера, уничтожая остатки дорогущего салата, который заказала на обед. Иногда я гуглю, как он поживает, – мне спокойнее убедиться, что он в Мидлтауне, далеко-далеко от меня. Его голубые глаза пронзают меня с экрана, словно он знает, где я. В ушах у меня до сих пор отдается канонада вопросов, которыми он забрасывал меня в полицейском участке. *«Вы не замечали? Вы не знали?»* Он пытался меня расколоть. Я не поддалась.

Я на таком взводе, что после работы иду не прямиком до-

мой, а в спортзал, расположенный в нашем же доме. При чем пробираюсь через заднюю дверь, которую старуха миссис Лоу всегда подпирает деревяшкой, чтобы удобнее было заносить покупки. Не хватало еще наткнуться в холле на Адриана. Снимая квартиру, мы думали, что будем каждый вечер потеть в спортзале, а не валяться на диване и тупить в телевизор.

Когда мы начали встречаться, я из кожи вон лезла. Брила ноги и на корню истребляла любой намек на лобковые волосы, если они отбивались от той анемичной взлетно-посадочной полоски, которую я возделывала, как любимый огоро-дик. Каждые выходные мы вместе бегали в Астория-парке. Вскоре мы съехались, и тут-то все пошло под откос. Адриан стал испражняться с открытой дверью и наел дряблое брюшко, нависавшее над штанами. «Отцу семейства положено», – шутил он, хотя никаким отцом не был – но очень хотел стать.

И я тоже бросила стараться. Адриану все равно, если я не крашусь. А если крашусь, он этого даже не заметит. Впервые в моей жизни что-то было просто. Но для меня это было противоестественно. Я не понимала, кто я, если не си-лилась стать кем-то другим.

Подтягиваясь, я залезаю на беговую дорожку. Адриан од-нажды предложил нам купить собственную такую. «Ты бу-дешь бегать, а я писать», – сказал он. На мой вопрос, куда мы ее впихнем, он ответить не смог. Жилой площади у нас семьсот квадратных футов, кухню от остальной квартиры от-

деляет дверной проем с аркой, а спальня, как микропухоль, лепится где-то сбоку. Две тысячи триста долларов в месяц за то, чтобы не иметь никакого личного пространства и чистить зубы над раковиной, которая усыпана сбритой мужниной щетиной.

Я начинаю бежать, задрав дорожку покруче, чтобы сжечь побольше калорий. Телевизор, висящий на стене напротив, показывает местные новости, в основном всякий криминал. В памяти всплывают кадры из Гробовщаги: толпа девчонок перед Баттерфилд-С, трясущиеся бледно-соломенные ноги в траве, молодой полицейский с его *просьбой отойти* от хлопающей на ветру желтой ленты. Я и подумать не могла, что скоро Фелти обрушит на меня шквальный огонь своих вопросов. Это была роль всей моей жизни.

Тяжеловесно топая, я поднимаю скорость до седьмой. От меня пышет жаром. В сотый раз я пытаюсь придумать, как бы увернуться от этой встречи выпускников. Хэдли и Хизер постоянно спрашивают, что я надену на торжественный ужин, и уже планируют, как мы все вместе сфотографируемся у нашего коттеджа на Фонтейн-авеню, в котором мы жили на последнем курсе. Но потом снова передо мной возникает записка, впаявшаяся мне в память. «Нам надо поговорить».

«Почему именно сейчас?» И почему на встрече выпускников? Почему она ни разу не пыталась со мной связаться и почему мне не удавалось найти никаких концов, как я ни билась? Ни в Фейсбуке, ни в Инстаграме – ее не было ни в

одной социальной сети.

Мокрым пальцем я выставляю скорость на восьмерку. Ее слова гонятся за мной по пятам. «Нам надо поговорить о том, что мы сделали той ночью». Они превращаются в другие слова, которые она должна была бы сказать. «Нам надо поговорить о том, кем мы стали той ночью».

Я понятия не имею, какая она сейчас. С другой стороны, я и тогда ее толком не знала. Она как была, так и осталась для меня загадкой. В этой дружбе, продлившейся несколько месяцев, *мы* были скорее чем-то умозрительным, нежели реальным. Но кожа у меня до сих пор саднит в том месте, где я с ней срослась, и я с легкостью могу вообразить другое измерение, где мы настоящие подружки, не разлей вода.

Иногда я отпускаю себя пожить в этом другом измерении, хотя бы на минутку: мы обе в Голливуде, читаем сценарии – обожженные солнцем, захваченные мечтами. И иногда мне очень хочется в этом измерении оказаться на самом деле.

Несмотря на все мои просьбы запирать замок, дверь квартиры открыта. Когда я захожу, Адриан лежит на диване в трениках. Этот диван из кожзама, купленный в *Furniture Market*, – первая *наша* мебель. Когда мы его покупали, мне было все равно, что это дешевка, потому что мы были счастливы.

Я окидываю взглядом разгром вокруг: на кухонной стойке – коробка из-под пиццы и пивные бутылки, в раковину

небрежно свалены вюстхофские ножи с белыми рукоятками, по полу разбросаны носки и бумажки.

– Разве у тебя не выходной? Мог бы и прибраться.

Я жду обычного ответа в духе «Остынь, детка!», который ненавижу, потому что именно его расслабон напрягает и заводит меня больше всего. Но он не предлагает мне остыть. А поворачивается и показывает фотографию.

– Кто это, Амб?

Прищурившись на снимок, которым он размахивает, я дрожащими руками подтягиваю хвост на макушке.

– Откуда ты это взял? – Я шагаю к нему и вырываю фотографию из его пальцев.

– Я искал ту книжку по драматургии, которую ты мне подарила на прошлое Рождество. Где про спасение кошки. На ней лежала другая книжка, я их обе поднял, а фотка возьми и выпади.

Он лжет. Он рылся в моих вещах, но уличить его мне не удастся. Я покусываю нижнюю губу.

– Это Джон Донн!

И я даже заставляю себя рассмеяться.

– Какой еще Джон Донн? Твой бывший?

– Один из выдающихся поэтов-метафизиков, – отвечаю я. – Это книга его стихов.

– А, – бормочет Адриан. – Но ты же понимаешь, я спрашиваю о парне на фотографии! Зачем тебе его фотка?

– Парень и парень. Из очень далекого прошлого.

– Значит, ты с ним встречалась, – говорит Адриан едва ли не с ревностью – это было бы даже приятно, все лучше, чем непробиваемая детская беспечность, – если бы не та смертоносная трясина, в которую он ненароком ступил. – В колледже?

– Не совсем, – быстро отвечаю я. Глаза у него сужаются. – Ну, в смысле, что-то в этом роде. Это книга с тех занятий, на которые мы ходили вместе.

– Он будет на встрече выпускников? – Адриан ставит пиво на журнальный столик. – Ничего, я переживу. Мы муж и жена. Думаешь, меня волнует, что у тебя были парни до меня? У меня тоже до тебя были девушки.

О которых он мне во всех подробностях рассказывал. О той прибабахнутой, которая пыталась поселить свои вещи в его комоды после недели знакомства. О той, которая как оглашенная бегала за знаменитостями. О той, которая спала с плюшевым зайкой, и зайка оставался на кровати во время секса. О той, которая смотрела только фильмы с Леонардо ДиКаприо. Словно он пытался убедить меня, что во всем всегда виноваты они, а не он – он-то нормальный парень. Словно пытался показать, как мне повезло, что он выбрался из этих бабьих терний целым и невредимым.

– У нас были отношения, – говорю я. Мне хочется услышать, как она звучит – эта жалкая, уродливая ложь. – Но на встрече выпускников его не будет. Дело в том, что он... он умер.

– Фу ты, черт, – Адриан прихлопывает ладонью рот. – А что с ним случилось?

Я качаю головой:

– Мне не хочется об этом говорить.

Он кивает:

– Ты меня пойми – это, конечно, паршиво, что он умер, но эта фотка меня просто выбесила. Я подумал, что ты ее припрятала не просто так. Тем более в той же книжке еще и это было засунуто. – Он достает конверт, на котором ее изящным почерком выведено мое имя.

– Ты его открывал?

– Прости меня. Не смог сдержать любопытства. Что же такое вы сделали той ночью? И какой, собственно, ночью?

Я должна держать себя в руках. Адриан думает, что видел меня в ярости, но это была так, лайт-версия.

– Просто наша внутренняя шутка, – говорю я. – Это мне подружка написала.

Он разглядывает меня дольше, чем надо бы, а потом берет со столика пиво.

– У вас все серьезно было? С этим парнем?

Я кручу фотографию между пальцами, уголки врезаются в ладонь. На *него* я не смотрю, но и на Адриана тоже не могу заставить себя посмотреть.

– Более или менее серьезно. Но все это в прошлом. Я и забыла уже про эту книжку. Она мне много лет на глаза не попадалась.

В уголках его глаз снова собираются морщинки.

– Ты, наверное, была такая романтическая барышня, одни стихи в голове. Надеюсь, над тобой никто не смеялся. Но даже если смеялись, то погоди: когда мы с тобой появимся вместе, все вредные девчонки полопаются от зависти.

«Ох, лапочка. Да мы и были вредные девчонки».

Я отхлебываю пива из его банки. Он поди воображает, как я бреду по усыпанному листьями кампусу, навьюченная рюкзаком, – на уме одна учеба, не дай бог на пару опоздать. Как же он ошибается...

Я не могу изменить то, что мы сделали. Что я сделала. Я превратилась в чудовище – ведь этот мир так легко делает чудовищами девушек, которые хотят того, что принадлежит не им.

Этот парень на фотографии – его не будет на встрече выпускников. Я об этом позаботилась. Равно как и о том, что там не появится его подружка и что я никогда больше не увижу ни его, ни ее.

6. Тогда

После Дэйва-Любовь-Морковь я подседа на эту иглу. Я рассчитывала, что моя дерзость позволит мне сблизиться с Салли, создаст вокруг меня такую ауру, что она узнает во мне родственную душу. Но дни шли, а ничего не менялось. Несколько раз на парах наши взгляды встречались, но мы ни словом не перемолвились до следующих выходных, когда пересеклись на вечеринке студенческого братства Бета.

Мне хотелось мужского внимания. Поменьше одежды, побольше алкоголя – и вот я уже танцую, поглаживая собственное тело. Со мной была Лили из Баттс-С, которую бортанули друзья, – она была вся румяная от водки. Я ощущала на

себе взгляды окружающих и все выше поддерживала юбку. И вдруг голос, который Лили не принадлежал, проник мне в ухо, и чьи-то холодные руки сомкнулись у меня на ключицах.

– Прекрати это, слышишь, – проговорила Салли.

– Что прекратить? – Я попыталась обернуться, но она крепко держала меня и пощипывала мою кожу.

– Выделяваться им на потеху.

И она сама развернула меня к себе.

– Ты думаешь, что нравишься им. Что они хотят сойтись с тобой поближе. Но на самом деле они просто пялятся на тебя со скуки.

– Они – в смысле, парни? – Они стаями кружили вокруг нас – бывшие короли своих школ, спортсмены с глазами хищников.

Салли резко хохотнула.

– При чем тут парни? Я о девчонках, дуреха! – «Дуреха» она выговорила мягко. – Они притворяются, что все такие резкие и дерзкие, но это не более чем игра. Или хуже того, прикидываются белыми и пушистыми, а потом судачат у тебя за спиной. Вон как твоя соседка.

Флора, с ее бумажками-мотивашками. Сегодня она налепила на нашу дверь листочек с надписью: «Доброта каждому по карману». С той ночи имени Дэйва-Любовь-Морковь она как-то попритихла. Я понимала: она меня осуждает.

– Ну и хрен с ними, – фыркнула я.

Глядя мне в глаза, Салли надела большим пальцем мне

на подбородок.

– Ты-то у нас не белая и пушистая.

Не знаю, был это вопрос или утверждение, но ответ у меня все равно был один.

– Ни разу.

– Вот и хорошо. Ненавижу белых и пушистых.

Мы кружили на месте, и я пыталась понять, что же в ней так притягательно, но это было все равно что пытаться удержать в ладонях бабочку. Зрачки у нее были расширены – она явно была под кайфом, – губы алые, за спиной колыхалась грива волос. Но все это могла воспроизвести любая другая девушка, даже я – и в ближайшие недели мне предстояло научиться ей подражать. Салли никто не мог сказать нет, но не потому, что люди видели что-то особенное в ней. А потому, что рядом с ней начинали иначе видеть самих себя. Ее камикадзево отношение к жизни заставляло сердца людей биться быстрее. Невозможно было предугадать, что она сделает через минуту и что рядом с ней сделаешь ты.

– Я знаю, что тебе нужно, – сказала она, перекидывая свои волосы мне через плечо. – Тебе нужно хорошенько потрахаться.

Я кивнула. Она не знала – да и никто здесь не знал, – что за всю жизнь спала я только с Мэттом. Мысль о сексе с новым партнером вселяла одновременно предвкушение и ужас. Может, мне и впрямь нужно эдакое эмоциональное кровоопускание – обряд, который поможет мне вычистить из памяти

предательство Мэтта.

– Ага. Я как раз об этом думала. – Я не дрогнула под ее взглядом. Чтобы удерживать внимание Салли, надо было постоянно находиться в тонусе.

– У меня как раз есть кое-кто на примете, – сказала она, указывая куда-то длинным пальцем. – Вон он. В футболке *Rolling Stones*. Ему тоже не мешает с кем-нибудь перепихнуться. Иди и завоюй его!

Это был не приказ – скорее вызов. И я его приняла.

«Вон он» был Мюррей, любитель дури с клочкастой растительностью на физиономии – по уэслианским меркам легкая добыча. Пропустив пару стаканчиков, мы уединились в его комнате и слились в поцелуе. Дело шло к развязке. И меня вдруг обожгла мысль: как это я допущу внутрь себя незнакомого человека? «Он ведь даже не звал меня на свидание, – лихорадочно думала я. – Он вообще ничего обо мне не знает!» Вроде как положено сперва познакомиться – такова цена допуска к телу. Но Салли права. Хватит мне быть потехой для других.

– Вообще-то я нечасто такое вытворяю... – пробормотала я, силясь унять дрожь, когда его пальцы проникли в меня. Мне казалось, что в этой фразе в меру и авантюризма, и благоговения. Я чувствовала, что надо как-то совместить одно с другим.

– Ну да, – фыркнул он. – Я уж вижу!

Что я уже успела сделать не так?

Я бы довела дело до конца, переспала бы с ним, но у его члена оказались другие планы. Мюррей все пытался спихнуть на кокаин. Так же, как и с Дэйвом, я ощутила прилив облегчения. Я никогда не придавала сексу какого-то особого значения, но понимала, что от того, как и с кем я займусь им в Уэслиане, зависит то значение, которое будет придаваться мне. Таким образом я проведу некую черту, определю, как далеко готова зайти. Может быть, был какой-то тайный смысл в том, что первые две попытки закончились конфузом. Но я была не в настроении высматривать знаки от мироздания. В душе еще тлели угли унижения, которому меня подверг Мэтт.

– Ну как оно? – спросила Салли следующим утром на паре.

– У него не встал, – ответила я. Голова раскалывалась от похмелья.

Она вытаращила глаза, и я тут же пожалела о своем признании. Но потом она хихикнула в ладошку и подвинула мне свой стакан с кофе.

– Та же фигня, когда я пыталась его трахнуть. Пытался запихнуть его в меня мягким. Ну, по крайней мере, с языком своим он управляется неплохо, верно?

Я кивнула, хотя сомневалась, не проверка ли это, и еще больше сомневалась, прошла я ее или провалила.

Но я не тот человек, который легко сдается. Я решила, что секс без лишних эмоций – именно то, что мне нужно. И

через неделю после Мюррея я наконец получила, что хотела, от Дрю Теннанта, гитариста, с которым я взялась флиртовать после того, как побывала на выступлении его группы в клубе студенческого братства Эклектика. Секс с Дрю очень напоминал секс с Мэттом – потно, небрежно, крещендо из похрюкиваний и мятых простыней. Тем не менее через несколько дней я привела его к нам в комнату, когда Флора была на занятиях, и сделала вид, что кончила вместе с ним (как будто это так просто!).

Нелепо, но больше всего мне нравилось после секса валяться с Дрю в обнимку, в истоме после всех трудов. Жар его кожи доставлял мне наслаждение, какого секс с ним доставить не мог. Пока я уговаривала себя сказать: «Тебе надо идти», он меня обскакал.

– Пора мне, – бросил он, застегивая джинсы на своих шикарных загорелых кубиках. – Впахивать надо.

Я даже не успела спросить, как именно он собирается впахивать. На том наша связь и закончилась: стоя на пороге, я приподнялась на цыпочки и поцеловала его, и он тут же рванул прочь, посмотрев на меня так, будто в первый раз в жизни видел.

Салли продолжала звать меня на тусовки, на которых я видела ее лишь мельком, в толпе, на другом конце помещения: длинные волосы реяли, как знамя, и ряды под этим знаменем никогда не редели. Она все всегда делала с перехлестом – пила, танцевала, укуривалась, ее губы постоянно ис-

кали новых губ – и все рядом с ней кайфовали. Она делала то, чего другие хотели, но не решались. Каждый раз, когда ее взгляд перескакивал на меня – а это случалось обязательно, – я чувствовала, что она по-прежнему ко мне присматривается.

Флора существовала в своем замкнутом мирке, вне гравитационного поля Салли.

– У Слоан что ни вечер, то гулянка. Когда только учиться успеваешь! – сказала она однажды вечером и замолкла в явном ожидании, что я тоже выскажусь осуждающе. Я пожалала плечами. Флора пыталась перетянуть меня на свою сторону – листочек на двери сегодня утром гласил: «Будь собой! Остальные роли уже разобраны!»

Я постепенно становилась своей. Конечно, я не столичная штучка и не гольф-клубная принцесса на семейных деньгах, но в то же время и не провинциальная лахудра вроде Эллы Уолден, с джинсами в обlipку, сине-серебристыми тенями и визгливым хохотом. Я вполне вписывалась в компанию крутых девчонок. До последнего сентябрьского понедельника, когда выяснилось, что Лорен обладает властью, которой не обладаю я. Паутина, которую она раскинула, оказалась такой тонюсенькой, что я и не подозревала о ее существовании, пока мне не перерезали ниточку.

– Все хочу спросить, ты едешь к Лорен на выходных? – поинтересовалась Флора, складывая свои блузки в идеальные пастельные квадраты. – Очень мило с ее стороны позвать к

себе весь курс, но у меня такой завал по учебе! Жаль, потому что я люблю Хамптонс.

В груди у меня была пробита брешь. Я с трудом сделала вдох.

– Не знаю, – выдавила я. – Еще не решила.

Я бы ни за что не призналась Флоре, что Лорен сознательно исключила меня из числа приглашенных, по причинам, которых я толком даже понять не могла. Время от времени мы обедали вместе, и она ни разу не упоминала Хамптонс.

Но точки кипения мое замешательство достигло днем, когда я наткнулась в туалете на Эллу. Она была вся румяная от возбуждения.

– Мне прямо не верится, что мы едем в Хамптонс! Я там никогда не была, а ты? У родителей Лорен дом на побережье! Только вот я понятия не имею, что с собой взять. Мы должны помочь друг дружке собраться!

– Я была. Ничего особенного.

Это была ложь. Я поверить не могла, что даже Эллу позвали в *дом на побережье*. Нижняя губа у меня затряслась. Я вылетела из туалета, оставив там ошарашенную Эллу, и разревелась.

Тем вечером я пошла тусить с Лили и Кларой в поисках подтверждения, что хоть кому-то нужна. Мне подвернулся Хантер из Баттс-А, с сальным, прыщавым лбом. Он лапал меня на танцполе в братстве ДКЭ, а через два дня случился и секс – безрадостная встреча, очередной поддельный оргазм.

Он как раз оделся и собрался уходить, когда с пар вернулась Флора.

– Ой, привет, – пробормотала я. – А мы тут домашку делали.

В глубине коридора маячила Салли. Остановившись у туалета, она даже не пыталась скрыть смех.

– Увидимся, Амбер, – бросил Хантер. Щеки у меня запылали. Он был тот еще кобелина – переспать и забыть. Но я не могла делать вид, что я хозяйка положения, если он даже имя мое запомнить не в состоянии.

– Пока, Хадсон! – крикнула Салли ему вслед и показала язык.

– Я Хантер, – обиженно поправил он, обернулся и увидел ее. – А, Салли! Привет.

Я не могла смотреть в лицо Флоре, которая – я знала – будет недовольна, поэтому схватила сумку и решила пойти в Олин, где все всегда впахивают и никому ни до кого нет дела. Салли стрелой метнулась за мной и положила холодную руку мне на плечо.

– У него мозг одноклеточный, – сказала она. – А член вообще кривой. Ты заметила?

Я обернулась:

– Ты тоже с ним спала?

Она расхохоталась.

– Ну а сколько тут игрушек? Не так уж много. Придется делиться, как-нибудь не подеремся. – Она взялась за цепочку

у меня на шее – подарок от Билли на шестнадцатилетие – и передвинула подвеску-цветочек обратно в центр. – Вот я бы твое имя не забыла. Для меня это важно.

– Да плевать на него, – пробормотала я. – Все равно трахается он паршиво.

По правде говоря, у меня было не так много опыта, чтобы научиться отличать хороший секс от плохого. Всегда это было плюс-минус одно и то же: соударение тел, долбежка и пыхтение в темноте.

– Да они почти все здесь паршивые, эти кобели. Но позабавиться с ними все-таки можно. Пошли, я тебе покажу.

В Олине мы сели за стол, и она сразу принялась ковырять свои дырявые колготки, раздирая прорехи. Она была сногсшибательна – зеленые глаза, царственный разлет бровей. Слизив в карман худи, она протянула мне что-то через стол. Серебристая «Нокиа».

– Я вчера с Джем ходила на вечеринку в общежитие Никс. Все укурились к чертям. Там я встретила парня. Лапу.

У меня опять холодок побежал по коже, опять нахлынуло острое ощущение, что кругом бурлят вечеринки, бурлят люди, – а я даже не достаиваюсь приглашения.

– Я хотела тебя позвать, – сказала Салли. – Но твоя соседка сказала, что вы собираетесь смотреть «Топ-модель по-американски».

Флора пыталась держать меня на коротком поводке – так же, как своего несчастного парня, которого заставляла вести

все эти пустопорожние телефонные разговоры. Я вновь ошестинилась:

– Короче, не суть. Лапа оказался той еще скотиной. Схватил меня за голову, стал пихать вниз. Ну ты понимаешь. Я сказала, что не буду ему сосать. Тогда он обозвал меня сукой. Поэтому я кое-что у него стянула. Только посмотри, сколько у него тут девчонок! Сто пудов, что он с ними со всеми обращается как с дерьмом.

Я взяла в руки телефон. Модель была новенькая, пофасонистей моей. Я просмотрела эсэмэски – это была целая энциклопедия девчонок. Сара. Николь. Стеф. Анна. Бриджет. Чика с этики. Молли. Джаз.

– Давай над ним прикольнемся, – предложила Салли, поскребывая пальцами по столешнице, как кошка по когтеточке. – Выбери любую. Отправь сообщение. Пусть расхлебывает.

Я не стала колебаться. Желание *взять реванш* было слишком велико.

– Так, пусть будет Анна...

Последнее сообщение от Анны пришло три недели назад, в четыре часа ночи. Кого-то она мне напомнила... Ах да, меня саму – мою освежеванную гордость, когда я писала Мэтту после разрыва. Я представила себе Джессику Френч с ее бровками-ниточками. Для меня это была какая-то извращенная форма мести. Этот парень даже не ответил на последнюю эсэмэску от Анны – на жалобное «Я думала, ты

придешь...».

Я стала набирать сообщение.

– Может, так? «Привет, детка, я соскучился. Надо как-нибудь повторить!»

Она фыркнула и помотала головой, растрепав гриву непослушных волос.

– Ну нет, ты ведь можешь лучше! Пусть встретятся взаправду.

Я удалила то, что набрала, и сочинила еще один вариант. Когда я его зачитала, Салли хлопнула рукой по костлявой коленке, торчавшей из ее драных колготок.

– Вот это другое дело! Я знала, что у тебя талант!

Ее комплимент был мне как бальзам на душу. Напоследок полюбовавшись текстом на экране, я нажала «отправить». «Привет, детка, приходи ко мне сегодня. Я много о тебе думал и хочу опять тебя увидеть. Надень опять ту штучку, которая так понравилась мне в прошлый раз. Буду тебя ждать».

– Шоу начинается, – сказала я. Ответом мне была улыбка.

На миг я вообразила реакцию Флоры – она бы скривилась от отвращения. Ну и пусть. Флоре никогда не приходилось пробивать себе путь наверх – ей невдомек, что в этом деле никогда нельзя довольствоваться занятым плацдармом.

Телефон у меня в руке почти тут же запищал. Салли схватила его – и рассмеялась.

– Несчастливая дурочка! Пишет: «Выхожу». Лапу ждет сюрприз!

Мне немного тревожно стало, что будет с Анной и как отреагирует Лапа, но это чувство быстро прошло. Позже я узнала, что Лапа – это не прозвище и уж тем более не имя: Салли звала так всех, с кем ей случалось переспать, – универсальная шапка над незаполненной графой.

– О Секс-вечеринке в Эклетике слышала? – поинтересовалась она.

– Нет, а что это?

– Я слышала, там все ходят голышом и творят черт-те что. Будет в эти выходные. Ты идешь со мной.

– А ты не едешь в Хамптонс?

Она покачала головой:

– В гробу я видала этот Хамптонс. Здесь нам будет гораздо веселее.

Пойти на Секс-вечеринку с Салли – это лучше того, что могла предложить мне Лорен, лучше, чем провести говенные выходные в ее доме на побережье, отбивая ее двусмысленные комплименты.

– Наверняка там найдутся парни, с которыми можно будет позабавиться, – с ухмылкой добавила Салли.

Она говорила о парнях, словно об игрушках.

Но ее любимыми игрушками были девушки.

7. Сейчас

Кому: «Амброзия Веллингтон» a.wellington@wesleyan.edu

От кого: «Совет выпускников Уэслиана»
reunion.classof2007@gmail.com

Тема: Встреча выпускников 2007 года

Дорогая Амброзия Веллингтон!

От обедов в общежитии Мокон (светлая ему память) до ритуалов, которые поймут только выпускники Уэслиана (например, работать в Олине в одном исподнем), – альма-матер навсегда у Вас в крови. Мы ждем не дождемся, когда сможем лично встретиться с вами – нашими выпускниками, – и вос-

кресить все наши старые добрые традиции. Мы уже слышим Ваш первобытный вопль3!

Искренне Ваш,
Совет выпускников

Недели пролетают одна за другой – встреча выпускников близится, напряжение растет. Хэдли и Хизер в предвкушении праздника постоянно перебрасываются сообщениями. Я вторю им принужденными «юху», но думать могу только о записке.

Я срываюсь на Адриана по любой мелочи. Когда он не знает, нужен ли на торжественный ужин костюм или можно обойтись джинсами. Когда он спрашивает, брать ли зонтик. Когда он предлагает сходить к репродуктологу, потому что прошло уже шесть месяцев, а я все никак не забеременею. Об этом он всегда говорит невзначай, словно ничего особо и не ждет, но я-то знаю, что очень даже ждет. Как все мужики, он мечтает породить подобие самого себя.

– Я начинаю немного беспокоиться, только и всего, – говорит он. – Тебе тридцать один. Я где-то читал, что после тридцати лет запас яйцеклеток уменьшается вполовину.

Я представляю себе, как он гуглил это в постели, пока я спала. Внутри начинает раскручиваться бешенство – змея, которая живет во мне с давних пор.

– За мои яйцеклетки не переживай! Не сомневаюсь, у меня их предостаточно. Может, проблема в тебе?

Он не вскидывается, а по-прежнему сидит на кровати возле полусобранного чемодана – хоть он и не получает надоедливых рассылок о встрече выпускников, но умудряется следовать инструкциям из них, как примерный мальчик.

– Может, и во мне. Ну так я же не против провериться. Я это уже несколько месяцев назад предлагал. Мне хочется, чтобы у нас по дому бегали дети. Маленькие Амбятки.

Впервые он употребил это словцо на нашей свадьбе, в полупьяной застольной речи, пообещав родителям с обеих сторон, что внуки не заставят себя ждать. Я стояла рядом с ноющим от улыбок лицом и жалела, что мне не удастся захотеть того же самого – этого простого счастья, о котором он так мечтает. Адриан держался настолько уверенно, настолько в нас не сомневался, настолько твердо знал, как будет устроена наша совместная жизнь! «Он отличный парень», – сказала мне Билли перед тем, как я пошла к алтарю, и я знала, что она права. Несмотря на все мои прошлые грехи, меня и впрямь полюбил отличный парень.

– Я тоже этого хочу.

Я не тычу его носом в очевидный факт, что у нас нет даже того самого дома, по которому должны бегать дети. Когда-то мы строили грандиозные планы, ночами напролет вели лихорадочные разговоры. «Мы будем путешествовать! Мы будем делать все, что захотим!» Но потом реальная жизнь взяла свое. У нас появилась квартира и счета за нее. А вслед за этим пришла обида, щипавшая кожу, как солнечный ожог.

Адриан не желал двигаться дальше. Статус-кво его полностью удовлетворял. Его романтические жесты и признания в любви не могли унять злость, которую я носила в себе, – им зачатый тяжкий плод.

Я пыталась представить себе, какие картины ему рисуются: два малыша ползают по заднему двору моих родителей в Пеннингтоне, а мы сидим на веранде с бокалами вина в руках и кудахчем, какие они у нас лапочки. Я ощущала вкус вина, запах стейков на гриле, но никак не могла вообразить то, что нужно было ему больше всего, – собственно детей.

– Может, нам надо чаще заниматься сексом, – рука Адриана ложится мне на бедро. – В этом деле важна регулярность. Знаешь, в последний раз, когда мы пили пиво, Джастин сказал, что они с Хэдли тоже подумывают о детях. Мол, пора уже как-то укореняться в жизни.

– Рада за них, – говорю я, хотя бешусь, почему она не сказала мне сама. *Укореняться*. Всем спокойнее, когда женщины прирастают к своему месту, словно деревья.

– Ага, – говорит он. – А мы-то когда в последний раз пытались?

Когда-то секс у нас был ежедневно – всегда внезапно, в любой точке квартиры. Мне дико было слышать от Билли, что у них с Райаном секс по расписанию – в пятницу вечером. Теперь мы с Адрианом можем не заниматься сексом неделями, и иной раз я старательно его избегаю, делая вид, что сплю.

– Слушай, давай попозже, – говорю я. – Мне идти надо. Мы с Билли договорились встретиться.

– Но у меня сегодня выходной, – надувается он. – Я думал, мы ходим куда-нибудь вместе!

– Но я уже обещала Билли. – Я стаскиваю домашние штаны и влезая в джинсы. – Я и так ее почти не вижу.

Адриан приподнимается на локтях, волосы падают ему на глаза.

– Да ты без конца с ней переписываешься! Мне иногда кажется, что она с нами в комнате сидит. А вот меня ты и правда почти не видишь...

– Тебя я вижу постоянно. – Втянув живот, я застегиваю джинсы. – Нам в этой тесноте и деться-то друг от друга некуда.

– Не такая уж и теснота! – возражает он. И добавляет уже мягче: – Ты так все это ненавидишь?

Застегивая блузку, я встречаюсь с ним взглядом, и мне рвет сердце боль, которую я вижу – боль, виной которой я сама.

– Вовсе не ненавижу. Просто не хочу, чтобы вот на этом наша жизнь и кончилась.

Возможно, я давно уже не говорила с ним так откровенно. Он перегибается через кровать и целует меня, запускает руку в мои волосы, и что-то всколыхивается внутри – желание, чтобы он меня не только касался, но еще и чувствовал, видел. Вторая его рука заползает в мои джинсы, и, вместо того

чтобы придумать очередную отговорку и сказать «потом» – бог знает когда «потом», – я поддаюсь, и он затаскивает меня на себя.

– Ты же знаешь, что я люблю тебя, правда? – Его дыхание обжигает мне щеку, и мое собственное дыхание учащается.

– Я тоже тебя люблю, – говорю я вместо своего обычного «я знаю». Я ведь и правда его люблю. Люблю свое отражение в его глазах. Жить с Адрианом – это все равно что смотреться в зеркало, которое всегда льстит. Он видит во мне человека, которым я хочу быть. Вот бы и мне эту женщину так же ясно разглядеть...

Мы с Билли встречаемся в «Броукен Лэнд» – гринпойнтском баре, который, по нашим расчетам, расположен на полпути от меня к ней. Когда я прихожу, она обычно уже сидит за стойкой – в руке бокал вина, на землистых щеках румянец. Подвыпившую Билли я люблю больше всего. Она становится шумной, игривой и забывает о том мире, который оставила дома, – о муже, детях и своей инстаграмной ипостаси. Фотографии с наших совместных тусовок никогда не всплывают в ее интернет-жизни, но я чувствую себя не грязным бельем, а единственной сферой ее существования, на которую не наложены никакие фильтры.

Она целует меня в щеку.

– Ты что, на диете? Худеешь к встрече выпускников? Со всем отошала!

– Да нет. – Я отстраняюсь. В незапамятные школьные времена нам иногда ударяло в голову, что мы слишком жирные, и тогда мы пропускали обед, а потом вставали на весы моей мамы и ликовали, когда безжалостные цифры оказывались к нам снисходительны. – Просто волнуюсь.

– Да с чего тебе волноваться? Ты же ничего плохого не сделала!

– Знаю, – говорю я. – Но все равно как-то неуютно. Я стала другим человеком...

Детектив Фелти наверняка другого мнения. Иногда в приступе паники я думаю: а вдруг это он написал записку? Вдруг он знает про фотографию, засунутую туда, где ей самое место, – в томик Джона Донна? Вдруг он в курсе, что я сказала этому парню в последнюю нашу встречу и что он мне ответил?

Когда к нам подходит бармен, я заказываю бокал просекко, но тут же передумываю и беру целую бутылку. Если Адриан дома спросит, я отвечу, что мы с Билли пропустили по одной, и даже не совру.

– Ты собираешься остановиться в той же комнате, – говорит Билли. – В Гробовщяге. И до сих пор не рассказала Адриану, что там произошло. Он же по-любому узнает!

Я закатываю глаза:

– Да не повторяй ты это дурацкое название! В конце концов, это просто общага. И потом, я забронировала отель, ты забыла? – Я пропускаю мимо ушей то, что она сказала про

Адриана, потому что до сих пор надеюсь, что ничего ему рассказывать не придется. Что Джастин, Монти и дармовая выпивка займут все его внимание.

Билли берет меня за руки. Ногти у нее выкрашены в цвет тиффани. Я всегда обращаю внимание, какой у женщины маникюр. Это верный показатель ее психического здоровья, как бы нелепо это ни звучало. У Билли ногти в полном порядке. Если когда-нибудь я увижу ее с красными кутикулами и обкусанными заусенцами, мне сразу станет ясно, что с ней что-то неладно.

– Перестань, Амб. Как будто я тебя не знаю! Ты сама не своя!

Когда я начала учиться в Уэслиане, Билли все хотела, чтобы я завела подруг. Конечно, не таких близких, как она, но все же. Я рассказывала ей о Салли, но в общих чертах.

– Да просто я много нервничаю. На работе в последнее время дурдом. – Я до боли сжимаю и отпускаю ее пальцы.

Она отхлебывает вина, маркируя кромку бокала вторым краснотубым штампом. В студенческие времена, приезжая на летние каникулы в Пеннингтон, мы подрабатывали официантками в ресторане «Вилла Франческо» и потешались над тетками, которые оставляли всю свою помаду на бокале по мере того, как тот пустел.

– Ты его там увидишь? – спрашивает она уже мягче. – Того парня, в которого ты была по уши влюблена и до сих пор не хочешь об этом говорить?

– Лапа, – почти беззвучно выдыхаю я. – Конечно, нет!

– Да расслабься ты, – отзывается она. – Я же не говорю, что ты должна с ним переспать! Сама знаешь, что у меня было с Колтоном. На моем девичнике у нас все *почти* случилось. И случилось бы, если бы не его моральные устои. – Она потирает руки.

– А ты никогда не думала написать ему? – интересуюсь я. Бармен щелкает пробкой просекко. У меня возникает ощущение, будто мы что-то празднуем.

– А что я ему скажу? «Привет, я замужем и у меня двое детей»? Иногда я пытаюсь представить себе, как сложилась бы моя жизнь, не окажись он таким добронравным. – Она делает паузу. – Я пыталась найти его в Инстаграме. У него закрытый профиль, но на аватарке он да собака. Надеюсь, это значит, что он так и не женился.

– Надеешься? Но почему? Все еще думаешь, что у вас есть шанс?

Она пожимает плечами:

– Мне он принадлежать не может. Но я не хочу, чтобы он принадлежал кому-то еще, понимаешь?

Еще как понимаю!

Каждый раз, когда Билли изливает мне кусочек своей души, мне ужасно хочется излить взамен свою – как в школьные годы, когда мы тыщу раз оставались друг у друга с ночевкой и в темноте поверяли друг другу свои девичьи секреты. Она знает, что я любила парня по прозвищу Лапа, но

ничего из этого не вышло. И мои намерения привезти его домой на зимние каникулы и познакомить их так и остались намерениями.

– Да не будет его там. Лапы. Он не приедет.

– Ну почему, может, еще и явится. А там видно будет. – Она болтает в бокале последние капли вина. – Ты не подумай, я не подбиваю тебя на измену! Ты знаешь, я люблю Адриана! Но возможно, тебе нужно закрыть гештальт.

Я прикладываюсь к бокалу, чтобы губы не сложились в то, во что норовят сложиться. А потом отхлебываю еще – чтоб уж наверняка не узнать, была это улыбка или сердитая гузочка. Слава богу, правда остается при мне.

После того, что я сделала, он не появится никогда.

8. Тогда

Народу вокруг было много, но я мячиком скакала между двумя полюсами – Салли и Флорой. Остальные девчонки хоть и держались в большинстве своем дружелюбно, но я никогда не могла рядом с ними расслабиться и побыть собой, пусть даже и не знала в точности – собой, это кем. Я постоянно переживала, не сболтнула ли по пьяни лишнего, не прорвался ли опять джерсийский акцент и не травила ли я дебильные школьные байки. Я сооружала себя из черт, которые перенимала у других девушек, превращая собственную личность в мозаику. Может быть, больше всего я завидовала Салли потому, что на ней так ладно сидела ее собственная

кожа, что все в ней было интересно, оригинально, круто.

Во мне от природы не было ничего интересного, оригинального и крутого – я очень хорошо это знала. Зато был один полезный навык. Будучи хорошей актрисой, я успешно подделывалась под разных людей и затягивала их на свою орбиту. Я с Салли и я с Флорой – это были два совершенно разных человека. И они прекрасно уживались.

Подружиться с Флорой значило выбрать легкий путь. Мои родители пришли бы в восторг от ее воспитания и обаяния, от ее бесконечных «пожалуйста» и «спасибо». Она признавалась мне, что скучает по дому, особенно по сестре. Поппи была на четыре года младше и только пошла в старшую школу. Флора звонила ей почти так же часто, как Кевину.

– Поппи хочет к нам приехать, – говорила она. – Я столько ей о тебе рассказывала! Она творческая натура. И тоже хочет поступать в Уэслиан! В новой школе ей нелегко.

Однажды я даже коротенько с ней поговорила – Флора передала мне телефон, шепнув:

– У нее сегодня плохой день. Скажи ей, что все наладится.

– Все наладится, – солгала я в трубку.

Флора была из тех, кто всегда выручит и утешит. Из тех, кто *подставит плечо*. Она держала мне волосы, когда меня выворачивало наизнанку после попойки у Доры, и даже забежала проведать меня между парами. Прохладными сентябрьскими вечерами мы бродили по кампусу, поверяя друг другу свои мечты, – я могла говорить с ней откровенно,

не боясь, что она будет, закатывая глаза, пересказывать мои слова другим девчонкам. «Амброзия и впрямь думает, что пробьется в Голливуде!» Ее фирменная «милота» не была подделкой, как я ни пыталась пробить в ней брешь и выпустить из нее воздух.

Она беспокоилась обо мне, и ее забота была больше, чем просто дружеским жестом. Однако под заботой нет-нет да проступали шипы недовольства, и я тут же ощетинивалась в ответ.

– Куда ты идешь? – спросила она, когда я наряжалась на секс-вечеринку и зашнуровывала корсет, который мне одолжила Салли.

– Потусить немного, – пробормотала я.

– А, – сказала она, болтая ногами, обутыми в тапочки с зайчиками. Один звук, но я в нем прочла целую книгу. «Опять тусить. Опять Слоан позвала».

– Пойдем со мной, – предложила я, зная, что она не пойдет.

– Мне нужно курсовую писать. Звони, если понадобится. – Она помахала телефоном, зная, что я не позвоню.

Если Флору можно было сравнить с мягким пухом, то Салли – с крылом черного лебедя. Под это крыло она взяла меня. На секс-вечеринке я бродила за ней, словно олененок, не смея лишнего шагу ступить в этом буйстве грохочущей музыки и порнухи, где парочки занимались сексом у всех на виду, – просто-таки дионисийская оргия наших дней.

Все мы превратились в животных. Именно в Эклектике тем вечером я впервые попробовала кокаин. Я занюхнула его, не сводя глаз с шеи Салли, которая изящным вопросительным знаком изогнулась над белой дорожкой. Совершенно некстати в голове у меня всплыли сцены передоза из дурацких телевизионных шоу, которые мы смотрели с Билли. Но в тени Салли не было места страху. Ноздря у меня горела, но я была жива – живее, чем раньше.

– Ну, с кем будешь трахаться? – спросила Салли через несколько минут так буднично, словно интересовалась, что я закажу на обед. – Я, пожалуй, начну вон с того Лапы на кухне. А там посмотрим. – Она запрокинула голову.

– Я еще не решила, – проговорила я и стиснула челюсти, чтобы не стучали зубы. Надо было кого-то выбрать.

– Я в школе дружила с девчонкой, она бы тебе понравилась, – сказала она, потирая десны розоватым пальцем. – Иви. Обожает любую движуху. Такая оторва!

– Классно. – Вот и все, что я смогла выдавить. Ничего *классного* в этом не было. Очередное соревнование – на этот раз с человеком, которого я никогда в глаза не видела.

Позже, когда нервы у меня перестали гореть, я уединилась наверху с широкоплечим молодцем, который щеголял калифорнийским загаром. Лапа, называла я его – его настоящее имя меня не интересовало. Я позволила ему залезть мне под юбку и спустить трусы. Он прижал меня к стене, обклеенной картинками с голыми бабами, и я, выгнув спину, преврати-

лась в одну из них. В том, как он держал меня за волосы, было что-то первобытное.

На следующий день Флора, вернувшись из Олина, застала в комнате нас с Салли. Все тело у меня до сих пор саднило, как гигантский синяк.

– Ох, девчонки, я так за вас волновалась! – сказала она, вспорхнув на крутящийся стул. – Амб, ты мне не сказала, что пойдешь на... на такую вечеринку.

Не знаю, кто насвистел ей о секс-вечеринке – почти все уехали к Лорен, в *дом на побережье*. Минувшая ночь всплывала осколками: тот парень у стены, потом еще один, втянувший дорожку кокаина с моей тазовой кости. И среди всего этого извивалась Салли, сливаясь губами со всеми подряд.

– Вечеринка как вечеринка, – сказала я. – Волноваться точно не стоило.

– Да, фигня. – Салли перекадилась на живот. – Я как-то большего ожидала.

Голова у меня пошла кругом: для меня все это черт знает что такое, а для нее, выходит, ничего особенного? Никогда мне до нее не дотянуться... Но только я подумала, что лучше мне в жизни выбирать менее ухабистые дороги, Салли обвила меня рукой:

– Но с Амб было весело!

Через несколько дней после секс-вечеринки, когда мы шли из Мокона, Флора озвучила то, о чем, вне всякого сомнения, давно думала.

– Не пойми меня неправильно, – она поправила изящное золотое сердечко на груди, – но, по-моему, Слоан немного не в себе. Я боюсь, что она может натворить дел. И тебя утянет за собой.

– За нее не переживай. И за меня тоже, – огрызнулась я. Флора отпрянула, как будто я вlepила ей пощечину, – она с трудом переносила любые раздоры. Позже я поняла, что это как-то связано с ее родителями – она никогда о них не говорила, видимо не желая показывать, что ее жизнь тоже не сказка.

– Я ничего плохого не хотела сказать, – пробормотала она. – Просто... я слышала всякие истории о том, что творят на вечеринках пьяные парни. Вдруг с тобой произойдет что-нибудь нехорошее...

– Не бойся, – сказала я уже мягче. – Я тоже не вчера родилась.

Ее рука скользнула под мою. Кожа у нее была мягкая и прохладная.

– Вот бы ты тоже нашла своего Кевина! – воскликнула она. – Наверняка он ходит где-то по свету. Нужно только немножко подождать...

Отчасти мне тоже хотелось в это верить. Ведь девушкам вечно вбивают в голову, что однажды они встретят прекрасного принца. Трудно отряхнуться от гнета чужих ожиданий.

Но я не ждала своего Кевина. На неделе я опять встретила с обладателем кривого члена Хантером и походила пе-

репихнулась еще с одним парнем: когда горячее пыхтение в моем ухе оборвалось, я не дождалась от него даже доброго слова, что уж говорить об оргазме. В обрывочных разговорах я всех их именовала *Ланами* – они были такие же одно-разовые, как использованные презервативы, которые я заворачивала в туалетную бумагу и выкидывала в плетеную мусорную корзину, стоявшую у кровати.

– Увидимся как-нибудь, – на прощание я всегда произносила эту фразу, монотонно и уныло. Но, как правило, больше мы не виделись. Вероятно, дело было во мне – в дверях мои руки тянулись к их, словно искали пожатия. Собственное тело бесконечно меня выдавало.

Я целенаправленно не искала серьезных отношений, хотя некоторые из наших девчонок нашли себе пару. Салли над ними насмехалась.

– Все эти бойфренды нужны вселенной только для того, чтобы держать нас на коротком поводке, – говорила она. – Иначе мы представляем слишком большую опасность!

Я бурно кивала в знак согласия.

Но тут вселенная решила поднять ставки.

Это была прямо-таки классика жанра – встреча из дрянных романтических комедий, которые мы с Билли когда-то горячо уважали. Я мчалась в Олин, где договорилась позаниматься с девчонками, и уронила одну из книжек, которые несла в руках. А он ее подобрал.

Ежик волос, классическая рубашка, подбородок Супермена. Он казался не таким зеленым, как мы, – наверное, старшекурсник и член какого-нибудь братства (надеюсь, ДКЭ, а не Беты).

– Ты уронила, – сказал он.

– Ой, извини, – пробормотала я. – В смысле, спасибо.

– Не за что.

Белые зубы. Вблизи он показался мне смутно знакомым. Наверное, пересекались на каких-то тусовках. Может даже, это один из двух парней с секс-вечеринки, чьи лица для меня слились в одно? Я внезапно ужаснулась самой себе.

– О, я смотрю, у тебя тут Джон Донн! – воскликнул он. – Мой добрый знакомый. Библейские мотивы, все такое. Как раз сейчас им занимаюсь.

– Я тоже. – Два слова склеились в одно. – Собственно, и так понятно, да... Но я тот еще знаток. Честно говоря, вообще с трудом понимаю его поэзию.

Это была ложь. Что там понимать в стихах давно умершего белого мужика? У них у всех одно на уме было.

Он улыбнулся. Сверкнули зубы. И где-то в глубине души вспыхнуло: а вдруг...

– Похоже, тебе не обойтись без моей консультации. – Беглый взгляд на часы – большой синий циферблат на кожаном ремешке. – Могу провести небольшой ликбез.

Фраза была дурацкая – это снисхождение, тебе без меня не обойтись, – но я, не успев ни о чем подумать, уже заки-

вала – так изголодалась по мужскому вниманию, которое не сводилось бы к сексу. Вместо того чтобы найти местечко где-нибудь в Олине, я повела его на Фосс-Хилл. На деревьях, под которыми мы шли, дрожали коричневые листочки.

– Зачетный вид, – сказал он, когда мы добрались до вершины и там уселись.

Он и впрямь страстно увлекался Джоном Донном – в этом было что-то чарующее и даже сексуальное. Хотя я Джона Донна терпеть не могла, парни, которые могли с упоением говорить не только о пиве и сиськах, мне нравились. Если он от Джона Донна так возбуждается, кто знает, на что еще он способен? Вдруг в постели с ним можно почувствовать себя равноправной партнершей, а не банкоматом?

– Ты знаешь больше, чем тебе кажется, – сказал он. Ветер бросил волосы мне в лицо, и он заправил их мне за ухо. – Ты умнее, чем сама думаешь. И к тому же красавица – ты даже не представляешь себе какая.

Меня зацепило именно это слово, «красавица» – четыре сладкозвучных слога, чистая музыка. Этот миг навсегда запал мне в память – хотя, в сущности, он сказал очень простую вещь. Но парни, с которыми я имела дело раньше, не имели обыкновения делать комплименты.

– Джон Донн был романтик, – проговорил он. – Он всем пожертвовал ради женщины, которую любил.

Я затаила дыхание. Сейчас он меня поцелует, и я его, конечно же, не оттолкну. Фосс-Хилл неожиданно показался

мне местом, где можно влюбиться. И мне так вдруг захотелось кого-нибудь полюбить – хоть это было и нелепое желание! Он быстро потрепал меня по подбородку – а потом отстранился и опять взглянул на свои чертовы часы.

– Вот блин. Я уже опаздываю. Напиши мне, если у тебя будут вопросы по Джону Донну. Я только рад буду. – Он нагнулся над моей тетрадкой и накорябал: bigmac10@gmail.com. Адрес кривой, ну и что – его владельца это не портит. На такую ерунду можно закрыть глаза, а впоследствии даже вспоминать с умилением.

– Спасибо. Непременно напишу.

Моя фантазия уже летела вдаль, в светлое будущее. Он предоставит мне самой выбирать цветочное решение нашей свадьбы. Он скажет нашему свадебному агенту: «Пусть все будет, как она хочет». Я заявлю, что хочу пионы – большие, белые, еще не распустившиеся, чудесные пышные шары, которые скоро раскроются, словно бумажные вертушки. А в остальном, скажу я, у меня уже есть все, чего я хочу.

Я тут же написала Билли. «Я тут встретила одного человека». Мое тело, наэлектризованное «красавицей», было как провод под напряжением. Я пошла обедать в Мокон, и даже говенный салат показался мне вкуснее, чем обычно. После обеда я вернулась в Баттс-С. Билли до сих пор не откликнулась, а мне не терпелось с кем-нибудь поделиться. Задним числом я сообразила, что не знаю даже его имени. Как-то не

спросила, и он моего тоже не спросил. Я ощутила укол разочарования, но огорчалась недолго. У меня есть его почта – подумаешь, забыли друг другу представиться.

Из нашей комнаты доносился Флорин смех – заливистый, такой девчачий-предевчачий, – и я решила, что расскажу все ей. Сейчас мне как раз нужен ее задор.

Флора сидела на кровати в пушистом розовом халате, который надевала, когда мерзла. Но она была не одна. С ней сидел он – загадочный незнакомец, *мой* загадочный незнакомец, незнакомец с «красавицей» на устах, – и в первую минуту я никак не могла сообразить, откуда он узнал, где я живу, с какой стати развалился на Флориной кровати и почему она совершенно против этого не возражает.

– Амб! – она замахала мне рукой. – Наконец-то ты пришла! Вот, познакомься с Кевином. Он приехал без предупреждения, устроил мне сюрприз, представляешь?

Он повернулся ко мне, и изумление исказило его лицо – но лишь слегка.

– Привет, – сказала я. Долю секунды я даже раздумывала, не бросить ли что-нибудь вроде: «Мы уже знакомы». Но не стала.

И он не стал.

– Я Кевин, – даже голос у него был не такой, как у парня на холме. Более официальный, словно он вдруг стал другим человеком. – Приятно познакомиться.

– Взаимно, – выдавила я.

Кевин. Так вот почему он показался мне смутно знакомым – хотя и не был похож на свою фотографию. Стрижка короче, светлая кожа больше не побита прыщами. Он оказался таким же обманщиком, как Мэтт. Таким же, как все парни.

В этот миг, словно почуяв что-то, рядом со мной материализовалась Салли – я оставила дверь открытой.

– Это кто? – осведомилась она, впираясь в комнату. – Ты у нас не учишься, а то бы я тебя знала.

– Это мой парень, Кевин, – сказала Флора, беря его за руку. Слово «парень» в ее устах надулось жвачным розовым пузырем. Потом такие, как она, с особым энтузиазмом произносят слова «жених» и «муж». – Кевин, это Слоан.

– Вообще-то Салли, – она наклонилась и чмокнула его в щеку – так она здоровалась со всеми, – а потом повернулась ко мне. – Приходи ко мне, будем вместе собираться.

Я только и смогла, что кивнуть.

– Так значит, это и есть Амб, – сказал Кевин, когда она ушла. – Я слышал о тебе много хорошего.

Я пристально взглянула ему в лицо. Глаза у него сверкали, умоляя о молчании.

– Аналогично, – бросила я.

Флора хотела, чтобы я встретила своего Кевина. Ее пожелание сбылось. Только мой Кевин оказался ее.

9. Сейчас

Кому: «Амброзия Веллингтон» a.wellington@wesleyan.edu

От кого: «Совет выпускников Уэслиана»

reunion.classof2007@gmail.com

Тема: Встреча выпускников 2007 года

Дорогая Амброзия Веллингтон!

Регистрация уже в пятницу! По ссылке Вы можете ознакомиться с официальным расписанием мероприятий, чтобы ничего не пропустить. После регистрации в Общественном центре вы получите талоны на питание, программку и электронные ключи от ваших комнат в общежитии.

С нетерпением ждем встречи с Вами и надеемся, что этот уик-энд станет для Вас незабываемым!

Искренне Ваш,
Совет выпускников

Я хотела свалить из Уэслиана еще на первом курсе. Можно было начать все с чистого листа в другом университете – да хоть в Майами, где училась Билли. Но это выглядело бы подозрительно. Поэтому я осталась – но скатилась на такие оценки, что в конце концов оказалась на грани отчисления. Только ко второму курсу я очухалась и вспомнила, зачем вообще-то поступала в Уэслиан – ради театра, а не ради парней, – и почувствовала себя идиоткой – это надо настолько отклониться от курса! Но еще не поздно, сказала я самой себе. Однако, когда пришло время определяться со специализацией, оказалось, что необходимых условий для поступления на актерское я не выполнила, да и мотивация уже пропала.

– Я поняла, что актерское поприще не для меня, – сказала я Хэдли и Хизер вместо правды. Они знали о Гроровцаге, но то ли не верили слухам, то ли не особо обращали на них внимание, варясь в своем супе студенческого спорта.

Но была еще одна причина, по которой я осталась. *Он*-то, конечно, не вернется – в этом я была уверена, – но вдруг вернется Салли?..

Однако теперь, когда мы приезжаем в Мидлтаун и Адриан

втискивает арендованную машину на студенческую парковку на Вайн-стрит, я жалею, что не перевелась в другой университет. Тогда бы у меня в животе не было этого булыжника, никакая тяжесть не давила бы на внутренности. «Почему сейчас? – я по-прежнему теряюсь в догадках. – Почему через целых десять лет?»

– Мило, – говорит Адриан, когда мы входим на территорию кампуса за Никсом и начинаем подниматься на Фосс-Хилл. – И атмосфера такая приятная! Если бы я поступил в Уэслиан, наверняка бы не бросил.

Я закатываю глаза за стеклами солнечных очков. Свое незаконченное высшее Адриан иногда несет как знак почета. Если его роман когда-нибудь опубликуют – хотя маловероятно, что он сумеет его хотя бы начать, а уж тем паче закончить, – он будет рассказывать всем и каждому, что у него даже высшего образования нет: мол, настоящий талант в этом не нуждается.

– Ага, – говорю я. – У нас тут все очень мило.

Кампус кишит людьми. В эти выходные встречаются сразу несколько выпусков, а в воскресенье еще и вручение дипломов. Я смотрю на выпускников с родителями, которые, словно туристы, щелкают обсерваторию Ван Флека и вид на кампус с Фосс-Хилла. Глазею на вальяжно растянувшихся на траве девушек и гадаю, кто из них совершал самые невероятные подлости и кто старался не отставать.

С Фосс-Хилла открывается вид на Андрус-Филд, в тени –

задняя стена Олина. Здание библиотеки, такое величавое и горделивое, я всегда любила. Хотя часто думала о том, как бы все сложилось, не пойдя я в Олин в тот день, когда встретила Кевина.

– Здесь вы смотрели футбольные матчи? – спрашивает Адриан. Вопрос правомерный, но я только фыркаю.

– Футболом мы не очень увлекались, – отвечаю я. «У нас были другие игры».

– А где ты жила? – интересуется Адриан. – Я все жалею, что мы не смогли остановиться в общежитии. Джастин сказал, что они урвали места в кампусе. В одну комнату, конечно, не селят, но получить соседние комнаты можно.

– Да, обидно, что не получилось, – говорю я. – Давай я потом устрою тебе подробную экскурсию.

Я веду Адриана в Юсдан. Люди роятся кругом, собираются в клубки. Я жду, что меня вот-вот кто-нибудь узнает. Многие из присутствующих не давали мне житья после того, что случилось, спускали на меня всех собак в ветке АВ на ДАПе – Доске анонимных признаний, где из искры сплетни порой разгорались целые войны. Многие готовы были поклясться, что все это, как минимум, моя вина, а то и вовсе моих рук дело. А иные наверняка знали, что без меня там не обошлось.

Мы становимся в очередь на регистрацию. Я замечаю в холле Тару Роллинс с косой вокруг головы – прическа, от которой она никак не избавится. Я извлекаю из сумочки теле-

фон и пишу эсэмэски Хэдли и Хизер. «Девчонки, вы тут?»
– Амброзия!

Я резко оборачиваюсь. Конечно, это не Салли – она никогда не назвала бы меня полным именем. Это Лорен. Во втором семестре первого курса именно она распустила слухи о том, что я делала на вечере двойников. Наше общение на этом закончилась – но вот она лезет обниматься.

– Привет, Лорен. Рада тебя видеть. – Я сама удивляюсь, как легко мне удается та фальшь, которую я выпестовала в себе именно здесь.

Она отстраняется, улыбаясь до ушей, – отродясь она мне так не улыбалась. Тоже притворяется.

– Я буквально только что о тебе вспоминала, думала, приедешь ты или нет! Я вроде бы отправляла тебе приглашение в группу, которую создала на Фейсбуке, но, вероятно, ты его не получила.

Вероятно, ты его и не отправляла. Я пожимаю плечами, а в памяти всплывает выезд в Хамптонс и ее тогдашнее неприглашение. Лорен всегда мастерски умела выжимать лишних людей: словно резцом высекала она свой круг, отколупывая жир. Кстати, о жире – она изрядно раздалась с тех пор, как я видела ее в последний раз, и я подмечаю это не без злорадства.

– Это мой муж, Адриан.

Он радостно стискивает ее руку. Адриан верит в силу первого впечатления. Наверняка вычитал где-то, что сильное

рукопожатие – верный способ расположить к себе людей.

– Здравсьте, – говорит он. – Как здорово наконец познакомиться с друзьями Амб!

По счастью, Лорен его не поправляет.

– Приятно познакомиться, Адриан. Надо бы мне и своего мужа найти. Кстати, мы с ним здесь встретились. – Она поворачивается ко мне: – Но в универе мы были только друзьями. Помнишь Джону Белфорда?

– Нет, что-то не помню. Но рада за вас.

Я очень даже помню Джону Белфорда, а точнее, помню ночь, которую мы с ним провели на втором курсе после того, как оба напились в стельку на голой вечеринке в ВестКо. Я ожидала найти там Салли – она никогда не пропускала ни одной тусовки, где дресс-кодом было отсутствие одежды, – но вместо нее нашла Джону, или он нашел меня: подкатил со словами, что у меня потрясная фигура. Вскоре мы очутились в его комнате, и он спросил о Гробовщяге, еще когда был внутри меня. «Слушай, а это все правда? – пропыхтел он. – Мне-то ты можешь сказать!»

– Да, мы живем душа в душу, – говорит Лорен. – А вы как познакомились?

Адриан набирает в грудь воздуха, готовясь возблагодарить интернет, но я опережаю его:

– Длинная история. Может, как-нибудь в другой раз.

Я больше не могу выносить весь этот спектакль – милая мина сидит на Лорен так же плохо, как когда-то сидела на

мне. Слава богу, уже совсем скоро подойдет наша очередь регистрироваться и получать программки и бейджики с именами, которых лично я носить не собираюсь.

– Да, конечно, – говорит Лорен. – Мы еще сто раз успеем пообщаться. Ой, погоди, давай я покажу тебе детей! У нас их трое. Вот уж не думала не гадала, что стану матерью, да еще и многодетной. – Она мигом достает телефон и листает фотки. Три белобрысые головенки, одна меньше другой. – Разрываюсь между ними и работой – ей-богу, целыми днями решаю чьи-то проблемы.

– А кем вы работаете? – спрашивает Адриан. Она явно на то и рассчитывала – что ей дадут повод похвастаться. Я-то знаю, кем Лорен работает, потому что несколько лет назад нашла ее в Фейсбуке. Она психолог, принимает в Бруклине. Перед фамилией у нее значится *доктор*. От мысли о том, что Лорен лезет в головы к другим людям, я покрываюсь гусиной кожей.

– Я психолог, – говорит Лорен. – Работаю по большей части с детьми.

Я вскидываюсь, услышав «с детьми». Это была мечта Флоры. Лорен всегда к ней тянуло. Наверное, Флора давала ей ощущение исключительности, которое не мог дать никто другой.

– Вот это круто, – говорит Адриан. – Обожаю детишек! Мне не терпится самому стать отцом.

Да заткнись ты уже.

– Ну что ж, дай бог, – многозначительно произносит Лорен. Как будто проблема – а она, конечно же, не сомневается, что проблема есть – во мне. Я хочу защитить себя, защитить *нас*, но она не дает мне такой возможности. – Чуть не забыла! Угадай, кого я тут встретила?

«Только не произноси ее имя!» – хочется гаркнуть мне, но я сама не знаю в точности, чье – *ее*.

– Кого?

– Эллу! В смысле, я знала, что она приедет, но увидишь ее – сама все поймешь. Выглядит потрясающе! А еще Джемму – она, кстати, снималась в одной из серий «Анатомии страсти». Здорово, правда?

Я киваю:

– Здорово.

Лорен знает, как ужалить меня побольнее. Джемма таки стала дипломированной актрисой, а я нет.

Я поворачиваюсь к даме за складным столиком.

– Амброзия и Адриан Тернер, – говорю я.

– Амброзия – какое чудесное имя! Ага, нашла вас. Вы у нас, значит, в Николсон-холле. Вот ваши ключи-карточки, буклет со всей информацией и актуальное расписание. Не забудьте написать на бейджиках имена.

– Нет, мы не в Никсе, – возражаю я. – Мы будем жить в отеле.

Она еще раз сверяется с лежащими на столе списками, ее лоб прорезают складки.

– Да нет же, дорогая, вот, у меня тут написано!

Я вытираю руки о джинсы.

– Наверное, меня с кем-то спутали.

Дама смеется:

– С вашим-то именем попробуй спутай!

Адриан хватает наши карточки-ключи.

– Да ведь это отлично! А отель можно отменить, малыш.

Ты, наверное, забронировала здесь комнату и забыла.

В этом весь Адриан. Ему и в голову не приходило, что я говорю неправду, когда я уверяла, что в общежитиях все комнаты разобрали. Равно как и сейчас у него и в мыслях нет, что я лгу.

– Да я не... – начинаю я, но за нами уже собралась очередь, да и Лорен топчется рядом, с интересом глаза на происходящее. – Ладно. Пошли.

Никс – это не Гроровцага. Там я жила на втором курсе и очень ценила наличие внутренней двери между мной и моей соседкой – рыжеволосой Вероникой, которая вечно носила черные футболки с рок-символикой, так что лицо Джима Моррисона натягивалось у нее на сиськах, и ко всем обращалась «эй, чувак». Никаких особых воспоминаний от Никса у меня не осталось, но внезапно силы меня покидают. Я верчу головой, пытаюсь отыскать свободный угол, нащупать путь к отступлению – и встречаюсь взглядом с человеком, которого меньше всего хочу видеть.

Флора Баннинг не говорит мне ни слова. Уголки рта у нее

приподняты, лицо фарфоровое, волосы, все такие же белокурые, зачесаны назад и перехвачены повязкой.

– Ты ни капельки не изменилась, – бормочу я так тихо, чтобы Адриан не услышал.

– Ты в порядке, Амб? – спрашивает он. – Пошли заберем багаж и распакуемся.

Горло у меня пересыхает. Мы с Флорой соревнуемся, кто кого переглядит: она не отводит взгляд, и в конце концов его отвожу я.

– Все хорошо, – выдавливаю я, сжимая его руку. – Пойдем отсюда.

Когда я снова оборачиваюсь, Флора смотрит на нас. Смотрит на меня.

10. Тогда

Я позвонила Билли на следующий день, когда Кевин уехал. И рассказала ей идеальную версию произошедшего – аж сама заслушалась. Мол, встретила в библиотеке парня и он назвал меня красавицей. Билли оценила.

Я умолчала об имени Кевина и о том, что случилось после посиделок на Фосс-Хилле. **Я** умолчала, за каким занятием застукала их с Флорой глубокой ночью, когда, потусив с Салли, вернулась в общагу. Шорох простыней, приглушенные смешки, шевелящийся на кровати ком – два сцепленных тела. **Я** умолчала о том, как лежала и представляла себе их руки и ноги, переплетенные, словно пряди в мокрой косе.

– Как же теперь его найти? – озаботилась Билли. – Это же судьба! Вы просто обязаны встретиться снова!

Ее оптимистичный настрой резко контрастировал со скепсисом Салли.

– Не знаю, – ответила я. – В принципе он дал мне свою почту... А может, как-нибудь случайно пересечемся.

Когда я подняла глаза, Флора стояла в дверях с двумя кружками. Настоящими кружками, а не картонными стаканчиками, которые она обычно приносила из кафетерия, чтобы развести свой веганский горячий шоколад. В одной из кружек, как маленький Эверест, высилась белая горка маршмеллоу.

Не знаю, сколько она успела услышать. Но улыбалась она как ни в чем не бывало – она вообще, казалось, состоит из одних улыбок, – и когда я отложила телефон, она села на мою кровать и протянула мне кружку с маршмеллоу.

– Что это? – удивилась я.

– Горячий шоколад. Я подумала: почему бы нам не завести парные кружки. На моей написано «лучшая», а на твоей – «подруга». Но если ты хочешь «лучшую», возьми! Я решила отдать тебе «подругу» просто потому, что в ней маршмеллоу. Я их не ем, в них желатин.

– Ох, как мило, спасибо, – пробормотала я.

Мы вовсе не были так близки. Мы обсуждали наших сестер, она рассказывала о своем молодом человеке, расспрашивала меня о Мэтте, а я лгала в ответ. Иногда мы вместе

ели, спали в пяти футах друг от друга, она красила мне ногти и заплетала косы. Но тех чувств, которые вызывала у меня Салли, к Флоре я не испытывала. Салли – это был непреходящий праздник, вечная авантюра. Даже кружку Флора подарила не просто так. Это была попытка взять меня в рабство, поставить галочку напротив пункта «университетская подруга» в списке, который она сама себе зачем-то составила. Я не могла не задаться вопросом: *почему я?* Только потому, что мы вместе живем, или есть еще какая-то причина?

– Ты вчера припозднилась? Я не слышала, как ты пришла. – Румянец у нее был конфетно-розовый.

– Я старалась не шуметь. – Я отхлебнула из кружки и обожгла себе рот. Интересно, как она отреагирует, если я попрошу ее перестать вести строгий учет всех моих ночных гулянок? – Не хотела тебя будить.

Я ожидала, что она смутится – я ведь слышала, как они с Кевином занимались сексом.

– Я уже по нему скучаю. – Она откинулась на мою подушку, так что ее пучок расплющился о стену. – Но это такое облегчение, что он меня навестил! Очень тяжело находиться вдали друг от друга, как бы я ни верила в то, что мы все преодолеем. Иногда меня гложет тревога: что он там делает без меня?..

– Это нормально, – сказала я. Очень похоже, что Флорина *милота* – это маячок, который она вживляет в совесть Кевина, когда чувствует, что он начинает поглядывать на сторо-

ну. При взгляде на гигантскую грудку маршмеллоу в горячем шоколаде на меня накатило острое желание ее утопить.

– Не знаю. Может, у меня паранойя. – Флора отпила из своей кружки. – Но в разлуке начинаешь любить еще сильнее, понимаешь?

Я кивнула, хотя понимать не понимала. Меня в разлуке никто сильнее не полюбил. В девятом классе у меня завелся было парень, Уэсли, но моей поездки в летний театральный лагерь в Ньюарке его любовь не пережила. Перед отъездом Уэсли страстно меня целовал и уверял, что будет безумно скучать, а когда я вернулась и, желая сделать ему сюрприз, вместо киноночи в Кункель-парке явилась прямиком к нему, он равнодушно посмотрел на меня из надежного уюта своей прихожей и заявил: а я так понял, что мы решили остаться друзьями.

– Он приедет на Хэллоуин, – сказала Флора. – Хочу организовать нам парные костюмы. Скарлетт О’Хара и Ретт Батлер.

Я мысленно отметила этот факт. У меня будет шанс еще раз его увидеть.

– Прикольно, – сказала я. – А я и забыла совсем о Хэллоуине.

– Обожаю Хэллоуин! – воскликнула Флора, влезая в тапочки. – Это такое удовольствие – надеть маскарадный костюм и на какое-то время перестать быть собой!

Это заявление растравило мне душу, у меня даже загри-

вок поднялся, как у зверя. Все у Флоры есть – даже смелость признаться, что иногда ей хочется побыть кем-то другим.

– Может, вы со Слоан возьмете нас на хэллоуинскую вечеринку, – проговорила она. – Мне хочется, чтобы Кевин познакомился с моими друзьями. А ты ведь моя подружка, да?

Шоколад был слишком сладкий, и подружкой я Флоре не была. Слишком большая ответственность. На что мне подружка вроде Флоры – ведь я всегда буду чувствовать себя ниже ее, ведь она будет задавать уровень, достичь которого мне никогда не удастся.

– Ага, – вяло отозвалась я. – Типа того.

Я не собиралась в самом деле писать Кевину. Но тайное знание, что он вовсе не такой, каким его пытается представить святоша Флора, приносило мне удовлетворение. Будь он такой, он не дал бы мне свою почту. Он бы честно сказал Флоре, что мы уже успели встретиться. А еще скорее – мы бы и вовсе не встретились, и он уж точно не стал бы рассиживаться со мной на Фосс-Хилле – воспоминание, которое становилось зыбче с каждым прожитым часом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.